

КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Жан АНУЙ

Пассажир без багажа
Дикарка
Эвридика

Эвридика
Жан Ануй

Аннотация
Жан Ануй. Эвридика
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое

Аннотация

Один из немеркнущих шедевров Ануя — его прославленное переложение античного мифа «Эвридика».

Жан Ануй
Эвридика

Eurydice de Jean Anouilh (1942)

Пер. Е. Бабун

По изданию «Ж. Ануй — Пьесы» в 2х тт., т.1, М. «Искусство», 1969

Действие первое

Буфет провинциального вокзала. Претензия на роскошь, все обветшалое, грязное. Мраморные столики, зеркала, диванчики, обитые потертым красным плюшем. За кассой на чересчур высоком табурете, подобно Будде в алтаре, восседает кассирша с пышным пучком и огромным бюстом. Пожилые официанты, лысые и чинные; блестящие металлические шары-урны, где валяются вонючие тряпки.

Перед поднятием занавеса слышны звуки скрипки. Это Орфей тихонько играет в уголке; рядом, перед двумя пустыми стаканами, отец, погруженный в какие-то грошовые расчеты. В глубине сцены с отсутствующим видом сидит единственный посетитель — молодой человек в плаще, в надвинутой на глаза шляпе. С минуту еще звучит музыка, потом отец поднимает голову и смотрит на Орфея.

Отец. Сынок!

Орфей *(не прекращая игры).* Да, папа?

Отец. Надеюсь, сынок, ты не заставишь старика отца собирать деньги в вокзальном буфете?

Орфей. Я играю для себя.

Отец. В буфете, где всего один посетитель, да и тот притворяется, что не слушает. Трюк известный. Сначала притворяются, что не слушают, потом, когда протягиваешь тарелку, притворяются, что не видят, ну а я притворяюсь, что не вижу, что они притворяются.

Пауза. Орфей играет на скрипке.

Неужели тебе и вправду доставляет удовольствие пиликать на скрипке? Просто удивляюсь, ты — музыкант, а все еще любишь музыку? Я вот побренчу в пивной для болванов, которые режутся в карты, и одно у меня желание…

Орфей *(не переставая играть).* Отправиться в другую пивную самому резаться в карты.

Отец *(удивленно).* Пожалуй, что и так. Откуда ты знаешь?

Орфей. Представь себе, вот уже двадцать лет, как я догадываюсь об этом.

Отец. Двадцать лет! Ну, ты преувеличиваешь. Двадцать лет назад у меня еще был талант. Как летит время… Двадцать лет назад я играл в сим-

фоническом оркестре, чудесная была пора. Кто бы мог подумать, что твой отец будет таскаться с арфой по террасам кафе, кто бы мог подумать, что я докачусь до такого — буду обходить публику с тарелочкой!

Орфей. Мама твердила это всякий раз, как тебя прогоняли с места…

Отец. Твоя мать никогда меня не любила. Да и ты тоже. Тебе бы только меня унизить. Но не воображай, пожалуйста, что я вечно буду все сносить. Ты знаешь, что меня пригласили арфистом в казино в Палавас-ле-Фло?

Орфей. Да, папа.

Отец. И я отказался, потому что там не нашлось места скрипача для тебя?

Орфей. Да, папа. Вернее, нет, папа.

Отец. Нет, папа? Почему это — нет, папа?

Орфей. Ты отказался потому, что плохо играешь на арфе и знаешь, что тебя выгнали бы на другой же день.

Отец *(обиженно отворачивается).* Я и отвечать-то тебе не желаю.

Орфей снова берется за скрипку.

Ты опять за свое?

Орфей. Да. Тебе мешает?

Отец. Я сбиваюсь со счета. Восемью семь?

Орфей. Пятьдесят шесть.

Отец. Ты уверен?

Орфей. Да.

Отец. Как странно, а я-то надеялся, что шестьдесят три. Ведь только что у нас было восемью девять — семьдесят два… Знаешь, сынок, денег осталось совсем мало…

Орфей. Знаю.

Отец. Это все, что ты можешь сказать?

Орфей. Да, папа.

Отец. А ты подумал о моих сединах?

Орфей. Нет, папа.

Отец. Ну что ж. Я привык. *(Снова погружается в подсчеты.)* Восемью семь?

Орфей. Пятьдесят шесть.

Отец *(с горечью).* Пятьдесят шесть… Заладил свое. *(Перестает считать и закрывает записную книжку.)* Мы неплохо поужинали сегодня вечером, и всего на двенадцать франков семьдесят пять сантимов.

Орфей. Да, папа.

Отец. А вот салат ты заказал зря. Выбирал бы умнее, тебе бы дали его на гарнир, а вместо салата разрешили бы взять второй десерт. В дешевых ресторанчиках всегда выгоднее брать два десер-

та. Ломтик торта — прямо объедение… Видишь ли, по правде говоря, сегодня на эти двенадцать франков семьдесят пять сантимов мы поужинали лучше, чем вчера в Монпелье на тринадцать с полтиной, хоть заказывали там по карточке… Ты скажешь, что у них настоящие салфетки, а не бумажные, как здесь. Что верно, то верно, в том заведении умеют пустить пыль в глаза, но, в конце концов, оно ведь не из лучших. Ты заметил, они взяли с нас за сыр три франка? Хоть бы дали на выбор, как в настоящих больших ресторанах, куда там! Однажды, сынок, меня пригласили в ресторан Поккарди, тот, что на бульваре Итальянцев. И мне принесли на выбор…

Орфей. Ты об этом уже раз десять рассказывал, папа.

Отец *(обижен).* Ну что ж, как угодно, можешь не слушать.

Орфей снова берется за скрипку.

(*Через минуту ему становится скучно, и он перестает дуться.)* Послушай, сынок, ты играешь что-то ужасно грустное.

Орфей. Я и думаю о грустном.

Отец. О чем же ты думаешь?

Орфей. О тебе.

Отец. Обо мне? Вот так-так! Еще что скажешь?

Орфей *(перестает играть).* О тебе и о себе.

Отец. Правда, сынок, положение у нас с тобой не блестящее, но мы делаем все, что в наших силах.

Орфей. Я думаю о том, что с тех пор, как умерла мама, я брожу за тобой со скрипкой по террасам кафе, смотрю, как по вечерам ты бьешься над подсчетами. Слушаю твои рассуждения о меню дешевых ресторанчиков, а потом ложусь спать н наутро снова встаю.

Отец. Вот проживешь с мое, тогда поймешь, что это за штука — жизнь!

Орфей. И еще я думаю, останься ты один, арфа тебя не прокормит.

Отец *(с внезапным беспокойством).* Ты собираешься меня бросить?

Орфей. Нет. Я, видно, никогда не смогу это сделать. Я талантливее тебя, я молод, и я уверен, в жизни мне суждена иная доля; но я не смогу спокойно жить, зная, что ты где-то подыхаешь с голоду.

Отец. Это хорошо, сынок, что ты думаешь об отце.

Орфей. Да, хорошо, но тяжело. Порой я пытаюсь вообразить себе, что могло бы нас разлучить…

Отец. Ну-ну, мы ведь с тобой неплохо ладим…

Орфей. Будь у меня, например, хорошее место, где я зарабатывал бы достаточно, чтобы давать тебе на жизнь. Но это только мечта. Разве может один музыкант заработать на две комнаты и на два обеда и ужина в день?

Отец. Да у меня потребности очень скромные. Обед за двенадцать франков семьдесят пять сантимов, как сегодня, кофе, рюмочка ликера, сигара за три су, и я буду счастливейшим человеком на свете.

Молчание.

В крайнем случае я могу обойтись и без ликера.

Орфей *(продолжая мечтать).* Или вот, на железнодорожном переезде один из нас мог бы попасть под поезд.

Отец. Так-так! Который же из нас, сынок?

Орфей *(тихо).* О, мне это безразлично…

Отец *(вздрогнув).* Шутник. Чур не я! У меня что-то нет желания умирать! Какие у тебя сегодня мрачные мысли, дружочек. *(Деликатно рыгает.)* Кролик все же был неплох. Черт побери, ну и насмешил же ты меня! Когда я был в твоем возрасте, жизнь казалась мне прекрасной. *(Искоса взгля-*

дывает на кассиршу.) А любовь? Ты подумал, что на свете существует любовь?

Орфей. Любовь? О какой любви ты говоришь? О тех девицах, которые могут нам встретиться?

Отец. О дорогой мой, разве угадаешь, где встретишь любовь? *(Наклоняется к нему.)* Скажи, у меня не слишком заметна лысина? Кассирша просто очаровательна. Пожалуй, даже чересчур шикарна. Больше подходит мне, чем тебе. Сколько, по-твоему, этой проказнице? Лет сорок, сорок пять?

Орфей *(нехотя улыбается, похлопывает отца по плечу).* Пойду, прогуляюсь по перрону... До поезда еще целый час.

Когда он уходит, отец встает с места и начинает кружить вокруг кассирши, которая бросает на жалкого посетителя испепеляющий взгляд. Отец сразу чувствует себя уродливым, бедным, плешивым, он проводит рукой по лысине и, уничтоженный, плетется к своим инструментам, собираясь уходить. Стремительно входит Эвридика.

Эвридика. Простите, мсье. Это здесь играли на скрипке?

Отец. Да, мадемуазель. Играл мой сын. Мой

сын Орфей.

Эвридика. Как прекрасно то, что он играл!

Отец, польщенный, кланяется и удаляется, унося инструменты. Торжественный выход матери Эвридики. Боа, шляпа с перьями. С 1920 года она все молодеет и молодеет.

Мать. Вот ты где, Эвридика!.. Ах, какая жара… Ненавижу ждать на вокзалах. Гастроли, как всегда, организованы просто ужасно. Администратор обязан сделать так, чтобы хоть актеры на первых ролях не ждали целую вечность на пересадочных станциях. Как можно вечером играть с подъемом, если целый день торчишь в залах ожидания?

Эвридика. Отсюда идет всего один-единственный поезд, мама, и для премьеров и для статистов, и он опаздывает на целый час из-за вчерашнего урагана. При чем тут администратор?

Мать. Ах, вечно ты защищаешь болванов!

Официант *(подходит к ним).* Что желают дамы?

Мать. Закажем что-нибудь?

Эвридика. Раз уж ты так торжественно уселась в этом кафе, придется что-нибудь взять.

Мать. Есть у вас хороший пепермент? Тогда

дайте пепермент. В Аргентине и Бразилии, когда жара становилась невыносимой, я всегда перед выходом на сцену пила пепермент. Этот секрет мне открыла Сара. Итак, пепермент.

Официант. А для мадемуазель?

Эвридика. Кофе.

Официант отходит.

Мать. Не сутулься. Почему ты не с Матиасом? Он бродит как неприкаянный.

Эвридика. Пожалуйста, не беспокойся о нем.

Мать. Напрасно ты заставляешь страдать этого юношу. Он тебя обожает. Прежде всего, напрасно ты взяла его себе в любовники; я еще тогда тебя предупреждала, но сделанного не воротишь. Впрочем, все мы, грешные, начинаем с актеров и актерами кончаем. В твои годы я была красивее, чем ты. Любому было лестно взять меня на содержание, а я зря теряла время с твоим отцом… Сама видишь, что из этого получилось. Не сутулься.

Официант (приносит заказанные напитки). Подать льду, мадам?

Мать. Ни в коем случае, дружок, это вредно для голоса. Пепермент просто отвратителен. Ненавижу провинцию, ненавижу гастроли. Но Париж помешался на молоденьких дурочках, у которых

грудь как доска и которые трех слов не могут произнести не сбившись… Так в чем же провинился перед тобой этот юноша? В Монтелимаре вы даже сели в разные купе. Эвридика, дитя мое, мать всегда наперсница дочери, особенно когда они одного возраста, ну, я хочу сказать, если мамочка очень молода. Скажи мне, в чем он перед тобой провинился?…

Эвридика. Ни в чем, мама.

Мать. «Ни в чем, мама» — это не объяснение. Ясно одно, он тебя обожает. Может быть, поэтому ты его и не любишь. Все мы одинаковы. Неисправимы. Кофе недурен?

Эвридика. Пей, я не буду.

Мать. Благодарю. Но я люблю, чтобы кофе был очень сладкий. Официант! Еще кусочек сахару для мадемуазель. Ты его больше не любишь?

Эвридика. Кого?

Мать. Матиаса.

Эвридика. Ты зря теряешь время, мама.

Официант с угрюмым видом приносит сахар.

Мать. Спасибо, дружок. Сахар загажен мухами, ну как тебе это нравится? Я объехала весь свет, жила в роскошных отелях, а теперь вот до чего докатилась. Ничего не поделаешь. А сахар все

равно растает… *(Пьет кофе.)* Пожалуй, ты права. Главное — следовать инстинкту. Я всегда следовала инстинкту, как и подобает артистической натуре. Впрочем, в тебе нет театральной жилки. Не сутулься. А, вот и Венсан! Любовь моя. Он, кажется, раздражен. Прошу тебя, будь с ним полюбезней. Ты ведь знаешь, как я им дорожу.

Входит Венсан, седоватый, красивый, изнеженный, хотя с виду очень энергичный. Широкие жесты, горькая улыбка, затуманенный взгляд.

Венсан *(целуя руку матери).* Мой добрый друг. А я-то ищу тебя повсюду.

Мать. Я сидела здесь с Эвридикой.

Венсан. Этот сопляк администратор решительно невыносим! Кажется, нам предстоит ждать здесь больше часа. И конечно, опять придется играть не пообедав, так уж повелось. Это ужасно раздражает, дорогая, даже если у человека ангельское терпение, чрезвычайно раздражает!

Эвридика. Разве администратор виноват, что вчера вечером была буря?

Мать. Мне хотелось бы знать, отчего ты вечно защищаешь этого глупого мальчишку?

Венсан. Ничтожество, просто ничтожество!.. Не понимаю, почему Дюлак держит такую бездарь.

По последним сведениям, он потерял чемодан с париками и прочим реквизитом. А завтра утром мы играем «Бургграфов»… Без бород и усов, можешь себе представить!

Эвридика. Он найдет чемодан, его, должно быть, забыли в Монтелимаре…

Венсан. В таком случае, возможно, он и отыщет чемодан к завтрашнему дню, но уж сегодня — дудки! А вечером нам играть «Бесчестье Женевьевы»… Он утверждает, что это не важно, пьеса, мол, современная… Во всяком случае, я предупредил Дюлака: без козлиной бородки я доктора не играю.

Официант *(подходит).* Что прикажете подать?

Венсан *(величественно).* Ничего, мой друг. Стакан воды.

Официант, сдавшись, отходит.

В первом и втором действии еще куда ни шло, но ты прекрасно понимаешь, милый друг, что при всем желании я не могу сыграть великолепную сцену объяснения в третьем действии без козлиной бородки. На кого я буду похож?

Эвридика с недовольным видом идет к выходу.

Мать. Куда ты, детка?

Эвридика. Пройдусь немного, мама. *(Стремительно уходит)*

Венсан *(сохраняя величавую невозмутимость, провожает ее взглядом. Когда она вышла).* Добрый мой друг, ты знаешь, не в моих привычках устраивать сцены, но твоя дочь обращается со мной, попросту говоря, неприлично.

Мать *(жеманясь, пытается взять его за руку).* Мой котик…

Венсан. Положение у нас с тобой довольно щекотливое, тут я с ней согласен, — хотя, в конце концов, ты совершенно свободна, ведь с ее отцом ты рассталась, — но, право же, можно подумать, что ей доставляет удовольствие подливать масло в огонь.

Мать. Она просто дурочка. Ты же знаешь, она покровительствует этому мальчишке точно так же, как покровительствует бог ее знает почему всем убогим и обиженным на земле: старым кошкам, бродячим собакам, пьяницам. При одной мысли, что из-за тебя Дюлак его прогонит, она выходит из себя, — вот и все.

Венсан. Можно выходить из себя, но вести себя прилично.

Мать. Ты прекрасно знаешь, это ее слабое место. Девочка от природы добра, но настоящая

дикарка.

Внезапно входит Матиас. Он плохо выбрит, мрачен, взвинчен.

А, Матиас, добрый день!
Матиас. Где Эвридика?
Мать. Только что вышла.

Матиас уходит.

(*Смотрит ему вслед.)* Бедняга. Он без ума от нее. Прежде она была с ним так мила, а последние два-три дня просто не знаю, что с ней происходит, словно она чего-то ищет, ждет чего-то… Чего? Не знаю…

Вдалеке слышна скрипка Орфея.

Опять этот идиот пиликает на скрипке! Просто на нервы действует.
Венсан. Он ждет поезда.
Мать. Это еще не причина. Он и эти мухи… Боже, какая жара!

Звуки скрипки приближаются. Они слушают. В это время в глубине сцены, словно притягиваемая этими звуками, проходит Эвридика.

(*Внезапно, совсем другим тоном.)* Помнишь

«Гран-Казино» в Остенде…

Венсан. В тот год как раз вошло в моду мексиканское танго…

Мать. Как ты был красив!

Венсан. Тогда я еще носил бакенбарды…

Мать. О, ты умел подойти к женщине… Помнишь, первый день: «Не соблаговолите ли вы, мадам, подарить мне это танго?»

Венсан. «Но, мсье, я не танцую мексиканское танго».

Мать. «Нет ничего проще, мадам, я поведу вас. Вам нужно только слушаться меня». Как это было сказано!.. А потом ты обнял меня, и тогда все вокруг смешалось: взбешенное лицо старого болвана, который меня тогда содержал, — он так и застыл на своем стуле; лицо бармена, который волочился за мной, — он был корсиканец и сказал, что убьет меня; нафабренные усы цыган, огромные лиловые ирисы и бледно-зеленые лютики, украшавшие стены… О, это было восхитительно. Тогда входила в моду английская вышивка… И на мне было белое вышитое платье…

Венсан. А у меня в петлице была желтая гвоздика, и из кармана выглядывал кончик платка в зеленую с коричневым клетку…

Мать. Во время танца ты так прижимал меня к

себе, что платье отпечаталось у меня на теле красным узором. Старый болван заметил, устроил мне сцену, а я залепила ему пощечину и очутилась на улице без гроша. Но ты нанял экипаж с розовыми помпончиками, и мы до вечера катались вдвоем вдоль берега моря…

Венсан. О эта волнующая неопределенность первого дня! Тянешься один к другому, чувствуешь, догадываешься о чем-то и хотя совсем еще не знаешь друг друга, однако понимаешь уже, что это на всю жизнь…

Мать *(вдруг совсем иным тоном).* А почему мы через две недели расстались?

Венсан. Не знаю. Не помню уже.

В глубине сцены — Орфей, он перестает играть. Перед ним стоит Эвридика. Они смотрят друг на друга.

Эвридика. Это вы недавно играли?
Орфей. Да, я.
Эвридика. Как хорошо вы играете!
Орфей. Правда?
Эвридика. Как называется то, что вы играли?
Орфей. Не знаю. Я импровизирую…
Эвридика *(невольно).* Жаль…
Орфей *(улыбаясь).* Почему?

Эвридика. Сама не знаю. Мне хотелось бы, чтобы это как то называлось.

По перрону проходит молодая девушка, замечает Эвридику, окликает ее.

Молодая девушка. Эвридика! Вот ты где…

Эвридика *(не отрывая взгляда от Орфея)* . Да.

Молодая девушка. Я только что встретила Матиаса. Он ищет тебя, милочка… *(Проходит.)*

Эвридика. Да. *(Смотрит на Орфея).* У вас светло-голубые глаза.

Орфей. Да. А вот цвет ваших глаз определить невозможно.

Эвридика Говорят, он зависит от того, о чем я думаю.

Орфей. Сейчас они темно-зеленые, как вода на дне у прибрежных камней.

Эвридика. Говорят, так бывает, когда я очень счастлива.

Орфей. Кто говорит?

Эвридика. Люди.

Молодая девушка *(снова проходит мимо и кричит с перрона).* Эвридика!

Эвридика *(не оборачиваясь)* . Да.

Молодая девушка. Не забудь про Матиаса!

Эвридика. Да. *(Вдруг.)* Как по-вашему, я буду

из-за вас очень несчастной?

Орфей *(ласково улыбаясь).* По-моему, нет.

Эвридика. Я не боюсь быть такой несчастной, как сейчас. Нет. От этого больно, но, пожалуй, даже хорошо. Я боюсь быть несчастной и одинокой, когда вы меня бросите.

Орфей. Я никогда вас не брошу.

Эвридика. Вы клянетесь в этом?

Орфей. Да.

Эвридика. Клянетесь моей жизнью?

Орфей *(улыбаясь)* .Да.

Они смотрят друг на друга.

Эвридика *(вдруг тихо).* Мне ужасно нравится, когда вы улыбаетесь.

Орфей. А вот вы почему-то не улыбаетесь.

Эвридика. Я никогда не улыбаюсь, если я счастлива.

Орфей. Я думал, что вы несчастны.

Эвридика. Значит, вы ничего не понимаете? Значит, вы тоже настоящий мужчина? Ай-ай-ай! В хорошенький переплет попали мы оба: стоим лицом к лицу, а за нашей спиной, совсем уже близко — все, что должно с нами произойти…

Орфей. А с нами многое должно произойти?

Эвридика *(важно).* Все-все. Все, Что суждено

мужчине и женщине на земле, все без исключения…

Орфей. И забавное, и нежное, и страшное?

Эвридика *(тихо).* И постыдное и грязное тоже… Мы будем очень несчастны.

Орфей *(обнимает ее).* Какое счастье!

Венсан и мать, задумчиво склонившие друг к другу головы, тихо заговорили.

Венсан. О любовь, любовь! Знаешь, прекрасный мой друг, и этой земле, где все несет нам разочарование и причинят боль, где все нас губит, какое чудесное утешение дару г мысль, что нам еще остается любовь…

Мать. Мой котик…

Венсан. Все мужчины, Люсьена, лживы, непостоянны, неискренни, достойны презрения или чувственны, они болтуны, лицемеры, гордецы или трусы; все женщины вероломны, коварны, тщеславны, любопытны или развращены; мир — бездонная яма, где ползают, извиваясь на горах грязи, безобразные тюлени. Но есть в мире нечто святое и возвышенное — это союз двух существ, даже столь несовершенных и столь отвратительных!

Мать. Да, мой котик. Это Пердикан.

Венсан *(удивленный, останавливается).* Вот как? Я столько раз его играл!

Мать. Помнишь? Ты играл Пердикана в тот первый вечер н Остендском «Гран-Казино». А я играла в «Безумной деве» в курзале, но была занята лишь в первом действии. И ждала тебя в твоей артистической уборной. Ты вошел еще распаленный теми прекрасными словами любви, которые только что произносил на сцене, и стал ласкать меня тут же, у себя, как Людовик Пятнадцатый…

Венсан. О, эти ночи любви, Люсьена! Союз сердец и тел. Тот миг, тот единственный миг, когда не знаешь, душа твоя трепещет или плоть…

Мать. Знаешь, мой песик, ты был чудесным любовником!

Венсан. А ты восхитительнейшей из любовниц!

Мать. Да что за глупости я говорю, ты был не просто любовник. Ты был любовником с большой буквы. Непостоянный и верный, сильный и нежный, и безумный. Ты был сама любовь. Сколько я страдала из-за тебя…

Венсан. О Люсьена, любовь нередко несет с собой обман, мучения, горе, но все-таки любишь. И стоя на краю могилы, оборачиваешься, оглядываешься назад и говоришь себе: «Я нередко страдал,

порой обманывался, но я любил. Я жил, я сам, а не некое выдуманное существо, порождение моей гордыни и тоски!»

Мать *(аплодирует).* Браво, котик, браво!

Венсан. Это опять Мюссе?

Мать. Да, мой котик.

Орфей и Эвридика слушали их, тесно прижавшись друг к другу, будто охваченные ужасом.

Эвридика *(шепотом).* Заставьте их замолчать, умоляю вас, заставьте их замолчать.

Орфей направляется к парочке, Эвридика тем временем прячется.

Орфей. Мсье, мадам, вам, конечно, будет непонятно мое поведение. Оно покажется вам странным. Даже очень странным. Но вам придется уйти.

Венсан. Уйти, нам?

Орфей. Да, мсье.

Венсан. Что, закрывают?

Орфей. Да, мсье. Для вас закрывают.

Венсан *(встает).* Однако, мсье…

Мать *(тоже встает).* Да он здесь вовсе не служит. Я его узнала, это он играл на скрипке…

Орфей. Вы должны немедленно исчезнуть.

Уверяю вас, если бы можно было вам объяснить, я объяснил бы, но вам объяснить нельзя. Вы не поймете. В эту минуту здесь происходит нечто очень важное.

Мать. Да он просто ненормальный!..

Венсан. Но, в конце концов, черт побери, мсье, это наглость! Кафе открыто для всех.

Орфей. Отныне нет.

Мать. Ну, это уж слишком! *(Зовет.)* Мадам, будьте любезны! Официант!

Орфей *(подталкивая их к двери).* Уверяю вас, не нужно никого звать. Уходите. Я сам оплачу ваш счет.

Мать. Мы не позволим так с собой обращаться!

Орфей. Я человек очень мирный, очень вежливый, даже робкий. Уверяю вас, мадам, я робок, и никогда прежде я не осмелился бы поступить так, как поступаю сейчас…

Мать. Но это же невиданно!

Орфей. Да, мадам, невиданно. Для меня, во всяком случае, совершенно невиданно.

Мать *(Венсану).* Но почему же ты молчишь?

Венсан *(уходя).* Идем, ты же прекрасно видишь, что он не в себе.

Мать *(исчезает, крикнув на прощание).* Я буду жаловаться начальнику станции!

Эвридика *(выходя из своего укрытия).* О, как они уродливы, правда? Как они уродливы и как глупы!

Орфей *(с улыбкой оборачиваясь к ней).* Тсс! Не будем больше о них говорить. Теперь, когда мы одни, все стало на свое место, все так просто и ясно. Я словно в первый раз увидел эти люстры, растения в кадках, металлические урны стулья... Вот стул. Как он очарователен! Он словно насекомое ловит шорох наших шагов и готов ускакать от нас на своих четырех тонких лапках. Осторожно! Не будем подходить или подойдем быстро-быстро... *(Прыгает, увлекая за собой Эвридику.)* Поймали! До чего же это удобно — стул. Можно сесть... *(С шутливой церемонностью усаживает Эвридику, потом печально смотрит на нее.)* Одного я не могу понять — зачем изобрели второй стул?

Эвридика *(притянув его к себе, уступает ему краешек стула).* Его изобрели для людей, которые не знакомы друг с другом...

Орфей *(обнимает ее, восклицая).* Но ведь я с вами знаком! Еще совсем недавно я играл на скрипке, и вы прошли по перрону, и я не был с вами знаком... Теперь все переменилось, я с вами знаком! Свершилось чудо. Все вокруг нас

вдруг стало чудом. Взгляните… Как прекрасна эта кассирша со своим огромным бюстом, который так мило лежит на мраморном прилавке. А официант! Взгляните на официанта. Длинные худые ноги в ботинках на пуговицах, почтенная лысина и благородный вид, ужасно благородный… Этот вечер — поистине вечер чудес; нам предстояло встретить друг друга и вдобавок встретить самого благородного официанта Франции. Официанта, который мог бы стать префектом, полковником, пайщиком «Комеди Франсэз». Послушайте, официант…

Официант *(подходит).* Мсье?

Орфей. Вы очаровательны.

Официант. Но, мсье…

Орфей. Да-да. Не возражайте. Поверьте, я говорю вполне искренне, не в моих привычках делать комплименты. Вы очаровательны. И мы всегда, всегда будем вспоминать о вас и о кассирше, мадемуазель и я. Передайте ей это, хорошо?

Официант. Да, мсье.

Орфей. Ах, какая радость жить на свете! Я и не знал, что так упоительно — дышать, чувствовать, как кровь струится в твоих жилах, как играют мускулы.

Эвридика. Я не очень тяжелая?

Орфей. О нет! У вас именно тот вес, который необходим, чтобы удержать меня на земле. Я был слишком легковесен, я плавал в воздухе, натыкался на мебель, на людей. Руки мои тянулись куда-то вдаль, предметы выскальзывали из пальцев… Как это смешно и как легкомысленно вычисляли ученые силу тяготения! Я только теперь заметил, что мне не хватало как раз вашего веса, чтобы почувствовать себя частью земной атмосферы…

Эвридика. О любимый, вы меня пугаете! Но теперь-то наконец вы хоть стали ее частью? Вы не улетите больше?

Орфей. Никогда.

Эвридика. Если вы меня покинете и я останусь одна, как дура, на этой земле, что я буду делать? Поклянитесь, что вы меня не бросите.

Орфей. Клянусь.

Эвридика. Да, но это слишком простая клятва! Надеюсь, у вас и правда нет намерений меня бросить! Но если вы хотите, чтобы я действительно была счастлива, поклянитесь мне, что у вас никогда не появится желания бросить меня, даже потом, даже на минутку, даже если на вас взглянет самая очаровательная девушка в мире.

Орфей. И в этом клянусь.

Эвридика *(вдруг встает).* Вот видите, как вы лживы! Вы клянетесь, что даже если самая очаровательная девушка в мире взглянет на вас, у вас не появится желания меня бросить. Но как же вы узнаете, что она на вас взглянула — ведь тогда вам самому придется взглянуть на нее. О господи, до чего же я несчастна! Вы только начинаете меня любить и уже думаете о других женщинах. Поклянитесь мне, любимый, что вы даже не посмотрите на эту идиотку…

Орфей. Я буду слеп.

Эвридика. Но даже если вы на нее не посмотрите, люди ведь такие злые, они поспешат рассказать вам о ней, лишь бы причинить мне боль. Поклянитесь, что вы не станете их слушать!

Орфей. Я буду глух.

Эвридика. Или нет, лучше так, это будет гораздо проще, сейчас же поклянитесь добровольно и чистосердечно, — а вовсе не для того, чтобы доставить мне удовольствие, — поклянитесь, что больше никогда ни одна женщина не покажется вам очаровательной… Даже если она из числа так называемых красавиц… понимаете, это ведь ровно ничего не значит.

Орфей. Клянусь.

Эвридика *(недоверчиво).* И даже если она будет

похожа на меня?

Орфей. Даже если будет похожа. Я не дам себя провести!

Эвридика. И вы клянетесь в этом добровольно?

Орфей. Добровольно.

Эвридика. Хорошо. И, конечно, клянетесь моей жизнью?

Орфей. Вашей жизнью.

Эвридика. Надеюсь, вам известно, что когда клянутся жизнью другого человека, он умрет, если вы нарушите клятву.

Орфей. Мне это известно.

Эвридика *(после короткого раздумья).* Хорошо. Но, может быть, вы поступаете так потому, — судя по вашему ангельскому виду, вы на все способны, — потому, что в глубине души думаете: «Почему бы мне не поклясться ее жизнью? Чем я рискую? Если она умрет как раз в ту минуту, когда я захочу ее бросить, это, в сущности, будет гораздо удобнее. Ведь мертвую бросить легче, — ни сцен, ни слез...». О, я вас знаю!

Орфей *(улыбаясь).* Да, весьма хитроумная мысль, но мне она как-то не приходила в голову.

Эвридика. В самом деле? А то лучше уж сказать мне сразу.

Орфей. В самом деле.

Эвридика. Поклянитесь мне в этом.

Орфей *(подняв руку)* . Клянусь.

Эвридика *(подходит к нему ближе).* Хорошо. Так вот, что я вам скажу. Я хотела только испытать вас. Мы не произносили настоящих клятв. Чтобы поклясться по-настоящему, недостаточно чуточку поднять руку, — это жест весьма двусмысленный, его можно истолковать как угодно. Надо вытянуть руку вот так, плюнуть на землю… Не смейтесь, знайте, теперь все будет всерьез. Говорят даже, что, если такую клятву нарушить, человек не только внезапно умирает, но еще очень мучается перед смертью.

Орфей *(серьезно).* Я приму это во внимание.

Эвридика. Хорошо. Так вот, теперь, когда вам точно известно, какой опасности вы меня подвергаете, солгав даже капельку, поклянитесь мне, пожалуйста, любимый, вытянув руку и плюнув на землю, что все, в чем вы мне поклялись, правда.

Орфей. Я плюю на землю, я вытягиваю руку, я клянусь.

Эвридика *(со вздохом облегчения).* Хорошо. Я вам верю. Впрочем, меня так легко обмануть, я так доверчива. Вы улыбаетесь, вы надо мной

смеетесь?

Орфей. Я смотрю на вас. Оказывается, у меня до сих пор не было времени посмотреть на вас.

Эвридика. Я некрасивая? Если я долго плачу или много смеюсь, у меня на кончике носа иногда появляется красное пятнышко. Лучше уж я сразу вам скажу, чтобы потом для вас не было неприятного сюрприза.

Орфей. Я готов с этим примириться.

Эвридика. И еще я худая. Не такая худая, какой кажусь, нет, когда я моюсь, я даже думаю, что сложена совсем неплохо; но в общем-то я не из тех женщин, с которыми уютно быть рядом.

Орфей. Я не слишком стремлюсь к уюту.

Эвридика. Ведь я могу вам дать лишь то, что у меня есть, правда? И поэтому не надо строить себе иллюзий на мой счет… К тому же я глупая, ни о чем не умею поговорить, и не надо слишком рассчитывать на меня как на собеседницу.

Орфей *(улыбаясь).* Но вы говорите не умолкая…

Эвридика. Да, я говорю не умолкая, но я не умею ответить. Вот поэтому-то я и говорю не умолкая, чтобы мне не задавали вопросов. Это мой способ быть молчаливой. Каждый устраивается как может. Конечно, вам все это ненавистно. Такое уж

мое везенье. Вот посмотрите, вам во мне ничего не понравится.

Орфей. Ошибаетесь. Мне очень нравится, когда вы много говорите. Такое приятное журчание, и так спокойно становится на душе.

Эвридика. Ну что вы! Я уверена, что вам нравятся женщины загадочные. Типа Греты Гарбо. Два метра ростом, огромные глазища, огромный рот, огромные руки, целые дни бродит по лесам и курит сигареты. А я совсем не такая. Вам надо сразу поставить крест на своей мечте.

Орфей. Я поставил крест.

Эвридика. Да, это на словах, но я прекрасно вижу ваши глаза. *(Бросается в его объятия.)* О любимый мой, любимый, как грустно, что я совсем не такая, какие вам нравятся! Но что я должна, по-вашему, сделать? Подрасти? Я попробую. Буду заниматься гимнастикой. Хотите, чтобы я была дикая, странная?… Я буду таращить глаза, накрашусь посильнее. Попробую быть мрачной, стану курить…

Орфей. О нет!

Эвридика. Да-да, я попробую быть загадочной. Не воображайте, что так сложно быть загадочной. Достаточно ни о чем не думать, а это под силу каждой женщине.

Орфей. Глупышка!

Эвридика. Я и буду глупенькой, можете поверить! Но и разумной тоже, и мотовкой, и бережливой, и иногда покорной, как одалиска, с которой делают что хотят в постели, а иногда, в те дни, когда вам захочется быть чуточку несчастным из-за меня, чудовищно несправедливой. О, не беспокойтесь, — только когда вам захочется… К тому же все это возместят другие дни, когда я буду по-матерински заботлива — утомительно заботлива, — это в дни, когда у вас выскочит фурункул или заболят зубы. Ну, а для дней, которые останутся незаполненными, у меня будут в запасе мещанки, недотроги, грубиянки, выскочки, истерички, мямли.

Орфей. И вы сумеете сыграть все роли?

Эвридика. Придется, любимый, иначе вас не удержишь, ведь вас будет тянуть ко всем женщинам сразу…

Орфей. Но когда же вы будете сами собой? Вы меня пугаете.

Эвридика. В промежутках. Пусть только выдастся минут пять свободных, я уж сумею.

Орфей. Да это же будет собачья жизнь!

Эвридика. Такова любовь!.. Собакам еще выпала легкая доля. Надо только дать себя немножко

обнюхать, потом задумчиво протрусить несколько метров, делая вид, будто ничего не замечаешь. Насколько все у людей сложнее!

Орфей *(смеясь, привлекает ее к себе).* Вы будете такой несчастной из-за меня!

Эвридика *(прильнув к нему).* О да! Я буду совсем маленькой и совсем нетребовательной. Вы должны только позволить мне ночью спать у вас на плече, а днем все время держать мою руку в своей.

Орфей. Я любил спать на спине поперек кровати. Любил долгие одинокие прогулки…

Эвридика. Попробуем улечься рядышком поперек кровати, а во время прогулок я, если хотите, буду идти чуть позади. Не слишком далеко. Все-таки почти рядом! Но ведь я буду так сильно любить вас! И всегда буду верна вам, так верна… Вы должны только все время разговаривать со мной, чтобы я не успевала думать о всяких глупостях…

Орфей *(с минуту о чем-то молча мечтает, держа ее в своих объятиях. Шепотом).* Кто вы? Мне кажется, я знаю вас очень давно.

Эвридика. Зачем спрашивать, кто я? Как мало значит, кто мы такие…

Орфей. Кто вы? Я прекрасно понимаю, что

спрашивать поздно и теперь я уже не смогу вас бросить… Вы внезапно появились на этом вокзале. Моя скрипка сразу умолкла, и вот теперь вы в моих объятиях. Кто вы?

Эвридика. Ведь и я тоже не знаю, кто вы. Но у меня нет желания расспрашивать вас. Мне хорошо. И этого достаточно.

Орфей. Не знаю, почему мне вдруг стало страшно.

Молодая девушка *(проходя по перрону).* Как? Ты все еще здесь? Матиас ждет тебя в зале ожидания в третьем классе. Если не хочешь неприятностей, крошка, тебе, пожалуй, лучше пойти туда… *(Проходит.)*

Орфей *(выпускает Эвридику из объятий)* . Кто такой Матиас?

Эвридика *(поспешно).* Никто, мой любимый.

Орфей. Вот уже третий раз вам говорят, что он вас ищет.

Эвридика. Это актер нашей труппы. Так, никто. Он меня ищет. Ну и что тут такого, да, ищет. Может быть, ему надо мне что-то сказать.

Орфей. Кто такой Матиас?

Эвридика *(кричит).* Я не люблю его, дорогой мой, я никогда его не любила!

Орфей. Он ваш любовник?

Эвридика. О, сказать можно все что угодно, это ведь ничего не стоит, одно и то же слово может означать совсем разные вещи. Но я предпочитаю сказать вам правду сама и немедленно. Между нами все должно быть ясно до конца. Да, он мой любовник.

Орфей немного отступает.

О, не уходите. Как мне хотелось бы сказать вам, что я еще маленькая девочка, что я ждала вас. И что ваша рука первой коснется меня. Мне так хотелось бы сказать вам это, что мне даже кажется — пусть это глупо, — будто так оно и есть на самом деле.

Орфей. И давно он ваш любовник?

Эвридика. Не помню. Может быть, полгода. Я никогда его не любила.

Орфей. Тогда зачем же?

Эвридика. Зачем? О, не задавайте вопросов. Когда люди еще мало знакомы, когда не знают всего друг о друге, — кроме того, что могут сказать слова, — тогда вопросы страшное оружие…

Орфей. Зачем? Я хочу знать.

Эвридика. Зачем? Ну что ж, он был несчастен, а я так устала. Я была одинока. А он любил меня.

Орфей. А до этого?

Эвридика. До этого, любимый?

Орфей. До него.

Эвридика. До него?

Орфей. У вас были другие любовники?

Эвридика *(с едва заметным колебанием).* Нет. Никогда.

Орфей. Значит, это он открыл вам любовь? Отвечайте. Почему вы молчите? Вы же сами сказали, что между нами должна быть только правда, что вы этого хотите.

Эвридика *(кричит в отчаянии).* Да, но, любимый мой, я не знаю, что причинит вам меньше горя!.. Если я скажу, что это он, которого вы, вероятно, увидите, или другой, который был давно и с которым вы никогда не встретитесь…

Орфей. Но ведь главное не в том, чтобы причинить мне меньше горя! Главное — знать правду!

Эвридика. Ну так вот, когда я была совсем еще маленькой, один человек, иностранец, взял меня почти силой… Это длилось несколько недель, а потом он уехал…

Орфей. Вы любили этого человека?

Эвридика. Мне было больно, страшно, стыдно.

Орфей *(помолчав).* Это все?

Эвридика. Да, любимый. Вы сами видите, все было так глупо, так унизительно и совсем за-

урядно.

Орфей *(глухо).* Я постараюсь никогда о них не думать.

Эвридика. Да, мой любимый.

Орфей. Постараюсь никогда не видеть их лиц рядом с вашим лицом, не замечать на вас их взглядов, их рук.

Эвридика. Да, мой любимый.

Орфей. Постараюсь не думать, что вы были с ними. *(Снова обнимает ее.)* Вот теперь все начинается заново. И я держу вас в своих объятиях.

Эвридика *(совсем тихо).* Как хорошо в ваших объятиях. Словно в крепко запертом домике, затерянном среди огромного мира; в домике, куда никто никогда больше но сможет войти.

Он склоняется над ней.

В этом кафе?

Орфей. Да. В этом кафе. Обычно мне бывало стыдно всякий раз, когда люди смотрели на меня, а сейчас я хочу, чтобы здесь было полно народу… Какая это будет прекрасная свадьба! В свидетели мы возьмем кассиршу, самого благородного официанта Франции и того скромного молодого господина в плаще, который притворяется, будто нас не видит, однако я уверен, он нас отлично

видит. *(Целует ее.)*

Молодой человек в плаще, который с самого начала действия молча сидел в глубине сцены, смотрит на них, тихо встает и, подойдя к ним ближе, прислоняется к колонне. Они его не замечают.

Эвридика *(внезапно высвобождается из объятий Орфея).* Теперь отпустите меня. У меня еще есть кое-какие дела. Нет, ни о чем меня не спрашивайте. Выйдите отсюда на минутку, я потом позову вас. *(Идет с Орфеем в глубь сцены, потом быстро возвращается к широко распахнутой на перрон двери. Останавливается на пороге и мгновение стоит неподвижно. Чувствуется, что она смотрит на кого-то, невидимого зрителям, и он тоже в молчании смотрит на нее. Внезапно жестко.)* Войди.

Медленно, не сводя с нее взгляда, входит Матиас. Он останавливается на пороге.

Ты видел? Я поцеловала его. Я его люблю. Что тебе нужно?

Матиас. Кто он?

Эвридика. Не знаю.

Матиас. Ты сошла с ума.

Эвридика. Да, я сошла с ума.

Матиас. Ты всю неделю избегаешь меня.

Эвридика. Да, я всю неделю избегаю тебя; но не из-за него, я всего час как с ним знакома.

Матиас (смотрит на Эвридику, ее взгляд пугает его; отступает). Что ты хочешь мне сказать?

Эвридика. Ты сам знаешь, Матиас.

Матиас. Эвридика, ты же знаешь, я не могу жить без тебя.

Эвридика. Да, Матиас. Я люблю его.

Матиас. Ты знаешь, пускай лучше я подохну на месте, но не стану жить один, без тебя, после того как ты была со мной. Я у тебя ничего не прошу, Эвридика, ничего, только бы не остаться одному…

Эвридика. Я люблю его, Матиас.

Матиас. Ты уже не можешь говорить ни о чем другом?

Эвридика *(тихо, неумолимо).* Я люблю его.

Матиас *(резко поворачивается).* Что ж, пусть будет по-твоему

Эвридика *(бежит вслед за ним).* Послушай, Матиас, пойми же: я тебя очень люблю, только я люблю его…

Уходят. Молодой человек в плаще смотрит им вслед. Он медленно идет за ними. С минуту сцена пуста. Слышно, как дребезжит звонок, потом

вдали раздается гудок паровоза. Медленно входит Орфей, глядя, как удаляются Матиас и Эвридика. За ним под гудок паровоза и дребезжание звонка вваливается отец со своей арфой.

Отец. Поезд подходит, сынок! На второй путь… Ты идешь? *(Делает шаг, внезапно, с рассеянным видом.)* Да, кстати, ты расплатился? По-моему, ты меня угощал.

Орфей *(тихо, не глядя на него)* . Я не еду, папа.

Отец. Зачем вечно тянуть до последнего? Поезд будет здесь через две минуты, а ведь надо еще пройти туннель. Мы едва поспеем с этой арфой.

Орфей. Я не поеду этим поездом.

Отец. Как так ты не поедешь этим поездом? Скажи, пожалуйста, почему ты не поедешь этим поездом? Другого ведь не будет, а вечером мы хотели быть в Палавасе.

Орфей. Ну и садись на этот поезд. Я не поеду.

Отец. Вот еще новости! Что это с тобой?

Орфей. Послушай, папа. Я тебя очень люблю. Я знаю, что нужен тебе, что это ужасно, но рано или поздно так должно было произойти. Я тебя покидаю…

Отец *(с видом человека, застигнутого врасплох)* . О чем это ты?

Орфей *(внезапно кричит).* Ты прекрасно понял!

Не заставляй повторять тебе все сначала, не разыгрывай трогательных сцен! Не задерживай дыхания, стараясь побледнеть; не вздумай дрожать и рвать на себе волосы! Все твои трюки я знаю наизусть. Они годились, пока я был мальчишкой. Теперь они уже не действуют. *(Совсем тихо.)* Я тебя покидаю, папа.

Отец *(внезапно меняет тактику, изображая теперь оскорбленое достоинство).* Я отказываюсь слушать тебя, мой мальчик. Ты не в своем уме. Идем.

Орфей. И оскорбленное достоинство не поможет. Повторяю, все твои трюки мне известны.

Отец *(уязвленный).* Забудь о моих сединах, забудь о моих сединах! Я к этому привык… Но, повторяю, я отказываюсь тебя слушать. Кажется, ясно?

Орфей. И все же придется меня выслушать, у тебя осталось всего две минуты чтобы понять, поезд уже дал гудок.

Отец *(разражается благородным смехом)* . Ха-ха-ха!

Орфей. Я умоляю тебя, оставь этот благородный смех! Выслушай меня. Ты должен один сесть на этот поезд. Для тебя это единственная возможность приехать вовремя и получить место

арфиста, которое тебе предлагали в Палавасле-Фло.

Отец *(взвизгивает).* Но я ведь отказался от места! Из-за тебя отказался!

Орфей. Скажешь, что передумал, что мы расстались и ты принимаешь их предложение. Может быть, Тортони еще но нашел арфиста. Он твой друг. И окажет тебе предпочтение.

Отец *(горько).* О, ты ведь знаешь, чего это стоит — друзья, дети, все узы, которые считались священными! Рано или поздно остаешься с пустыми руками. Я на своей шкуре это испытал. Дружба Тортони, ха-ха-ха! *(Снова благородный смех.)*

Орфей. Думаешь, он тебя не возьмет?

Отец. Уверен, что откажет!

Орфей. Но он же сам тебе предлагал…

Отец. Да, предлагал, но я отклонил его предложение. Он испил чашу унижения до дна. Не забывай, что он итальянец. Эти люди но прощают обид.

Орфей. И все же, папа, садись на этот поезд. Как только ты уедешь, я тут же позвоню в Палавас, в казино, и, клянусь тебе, уговорю его забыть о твоем отказе.

Отец *(испускает ужасный вопль, трудно даже предположить, что подобные звуки могут исхо-*

дить из столь немощного тела). Никогда!

Орфей. Не вопи! Он вовсе не плохой малый. Уверен, что он согласится.

Отец. Никогда, слышишь! Никогда твой отец не унизится!

Орфей. Но ведь это я буду унижаться! Скажу, что виноват я.

Отец. Нет, нет.

Гудок приближающегося поезда .

(*Нервно бросается к своим вещам.)* Поезд, сынок, поезд! Кончай эту тягостную сцену, Орфей, я все равно ничего не понял. Поедем со мной, ты мне все по дороге объяснишь.

Орфей. Я не могу ехать, папа. Может быть, потом я догоню тебя.

Отец. Но зачем догонять, черт побери? У нас ведь два билета.

Гудок паровоза.

Орфей. Я сейчас позвоню в Палавас. *(Направляется к кассе.)* Нельзя ли отсюда позвонить, мадам?

Отец *(перехватывает его).* Послушай, сынок, не звони этому типу. Лучше уж я сразу тебе все скажу. Место арфиста…

Орфей. Да.

Отец. Ну так вот, Тортони мне его никогда и не предлагал.

Орфей. Как так?

Отец. Я говорил об этом, чтобы придать себе весу в твоих глазах. Я сам прослышал, что место свободно, и умолял его взять меня. Он отказался.

Орфей *(после небольшой паузы).* Ах вот как… *(Тихо.)* А я надеялся, что ты получишь место. Жаль. Это бы все уладило.

Пауза.

Отец *(тихо).* Я стар, Орфей…

Снова гудок паровоза.

Орфей *(внезапно в каком-то лихорадочном возбуждении).* И все-таки садись на этот поезд, папа, умоляю тебя; все-таки поезжай в Палавас-ле-Фло. Там столько кафе, сейчас как раз сезон, поверь мне, ты сможешь заработать себе на жизнь.

Отец. С одной арфой… да ты смеешься!

Орфей. Но ведь людям как раз больше всего нравится арфа. Это такая редкость. А на скрипке в кафе играет любой попрошайка. Ты сам не раз говорил, что только благодаря арфе мы похожи на артистов.

Отец. Конечно, но ты так хорошо играешь на скрипке, к тому же женщины находят, что ты молод, мил, и вот они толкают кавалеров локтем в бок, чтобы те положили на тарелку двадцать су. Для меня одного они и пальцем не пошевельнут.

Орфей *(с деланным смехом).* Да что ты, папа, а женщины зрелого возраста! О, ты старый Дон-Жуан, и сам прекрасно это знаешь.

Отец *(бросает взгляд на кассиршу, которая только что так унизила его, поглаживает рукой лысину).* Между нами говоря, Дон-Жуан только для трактирных служанок, да и то… для тех, что поуродливей.

Орфей. Ну, ты преувеличиваешь, папа, ты еще пользуешься успехом!

Отец. Да, по моим рассказам, но на самом-то деле не всегда все так и происходит. И потом, вот еще что, сынок, я никогда раньше тебе этого не говорил, ведь я сам обучал тебя музыке, к тому же я твой отец и у меня есть своя гордость… Не знаю, заметил ли ты, но я… я очень плохо играю на арфе.

Нависает страшная тишина.

Орфей *(опускает голову. Он не в силах сдержать улыбки).* Этого нельзя не заметить, папа.

Отец. Вот видишь, ты сам признаешь…

Снова воцаряется тишина, гудок паровоза слышится совсем близко.

Орфей *(внезапно трясет отца за плечи).* Папа, я больше ничем не могу тебе помочь. Будь я богат, я дал бы тебе денег, но у меня их нет. Садись на этот поезд, оставь себе все, что у нас есть, и желаю тебе удачи. Ничего другого я тебе сказать не могу.

Отец. А еще совсем недавно ты говорил, что не сможешь бросить меня!

Орфей. Да, недавно. А теперь могу.

Слышно, как поезд подходит к перрону.

Твой поезд. Скорее, бери арфу!

Отец *(все еще не сдается).* Ты встретил кого-то, да?

Орфей. Да, папа.

Отец. Ту девочку, которая спросила меня, кто играл на скрипке, да?

Орфей *(стоя на коленях перед чемоданами).* Да, папа. *(Вынимает кое-какие вещи из одного чемодана и перекладывает в другой.)*

Отец. Я тут разговорился с этими людьми. Знаешь, она коме-дианточка, труппа у них самая жалкая, играют где попало. Эта девка тебя

оберет.

Орфей. Да, папа! Поторопись…

Отец *(тоже на коленях роется в чемоданах).* И подумать только, я нашел тебе чудесную девушку — сложена, как богиня, получила первую премию Марсельской консерватории, да еще с греческим профилем. Пианистка! Мы составили бы трио. Я бы играл на виолончели… Я от тебя никак этого не ожидал, Орфей!

Орфей. И я тоже, папа. Торопись.

Отец. Я прокляну тебя! Тебе это дорого обойдется.

Орфей. Да, папа.

Отец *(встает).* Смейся, смейся! У меня есть лотерейный билет, я могу не сегодня-завтра выиграть по нему, а тебе ничего не достанется!

Орфей *(невольно смеется, обнимает его за плечи).* Папа, старенький мой папа, ужасный мой папа. Я все-таки очень тебя люблю, но ничем больше не могу тебе помочь.

Громкоговоритель *(за сценой).* Пассажиры, отъезжающие на Безье, Монпелье, Сет, Палавас-ле-Фло, просим занять свои места.

Орфей. Скорее, а то опоздаешь. Значит, берешь арфу и большой чемодан. У меня двести франков, остальное оставь себе.

Отец. Пожалуйста, не разыгрывай великодушия, там не так уж много.

Громкоговоритель. Пассажиры, отъезжающие на Безье, Монпелье, Сет, Палавас-ле-Фло, просим занять свои места.

Отец *(неожиданно)*... Как ты думаешь, вернут мне деньги за твой билет?

Орфей *(обнимая его).* Не знаю. Знаешь, папа, я счастлив. Я люблю ее. Я тебе напишу. Ты хоть порадуйся тому, что я счастлив, мне так хочется жить!

Отец. Мне одному ни за что не унести все это.

Орфей. Я тебе помогу, возьмешь носильщика.

Отец *(с порога выкрикивает сыну смешные проклятия, при этом часть свертков падает).* Ради какой-то девки ты бросаешь родного отца! Ради девки, которая, может, тебя и не любит вовсе!

Орфей. Я так счастлив, папа!

Голоса *(за сценой).* По вагонам! По вагонам! По вагонам!

Отец *(уходя)* . А мне одно остается — подохнуть!

Орфей (подталкивая его). Быстрей, быстрей, папа!

Уходят.

Свистки, хлопанье дверей, дым. И сразу же

слышно, как поезд трогается. Входит Эвридика с небольшим чемоданчиком, усаживается в уголке, маленькая, незаметная. Орфей возвращается. Подходит к ней. Она смотрит на него.

Орфей. Ну вот. Все уладилось.

Эвридика *(каким-то странным голосом).* И у меня тоже все уладилось.

Орфей *(опускает голову).* Простите меня. Он немножко смешон. Это мой отец.

Эвридика. Не надо просить у меня прощения. Дама, которая только что ворковала о любви, моя мать. Я не решалась сказать вам это. *Они стоят лицом н лицу, нежно улыбаются друг другу.*

Орфей. Я рад, что и вам тоже было стыдно. Выходит, мы с вами вроде как родные братья.

Эвридика *(улыбаясь).* Я так и вижу, как вы, совсем еще малыш, тащитесь за ним со своей скрипкой…

Орфей. Он играл в оркестре, но уже заставлял меня пиликать в кафе, между столиками. Однажды нас задержал полицейский. Отец стал плести, что он, мол, родственник министра и полицейскому это даром не пройдет. Полицейский насмехался над ним. Мне было тогда лет десять, и я горько плакал. Мне было ужасно стыдно. Я не сомневался, что меня ждет каторга.

Эвридика *(кричит со слезами на глазах).* О мой любимый, а меня не было рядом! Я взяла бы вас за руку, пошла бы вместе с вами в участок. Объяснила бы вам, что это совсем не так страшно. Ведь я в десять лет уже знала все.

Орфей. Он тогда играл на тромбоне. На каких только инструментах он, бедняга, не пытался играть — и все неудачно. «Я сын тромбониста», — говорил я у входа и проскальзывал в кино, где он выступал… «Тайны Нью-Йорка» — о, это было замечательно!..

Эвридика. А «Белозубая маска»! Бывало, в четвертой части горло перехватывало от ужаса… Как бы мне хотелось сидеть рядом с вами на жестких откидных креслах… Вместе есть мандарины в антракте, узнавать у вас, правда ли, что кузен прекрасной Пирл Уайт предатель и догадался ли обо всем тот китаец… Как бы мне хотелось, чтоб мы росли с вами вместе. Какая жалость!..

Орфей. А теперь все это кануло в прошлое. И ничего не вернешь. Мандарины давно очищены, кино выкрашено в другой цвет, а героиня уже старуха.

Эвридика *(тихо).* Это несправедливо…

Звонок, гудок приближающегося поезда.

Громкоговоритель. Пассажиры, отъезжающие на Тулузу, Безье, Каркассон, посадка с седьмого пути. Поезд прибывает на станцию.

Другой громкоговоритель *(повторяет вдали)* . Пассажиры, отъезжающие на Тулузу, Безье, Каркассон, посадка с седьмого пути. Поезд прибывает на станцию. *В широко распахнутую дверь на перрон проходят актеры труппы со своими чемоданами.*

Первая девушка. Быстрее, милочка. Нам придется стоять всю дорогу. Ну, конечно, звезды едут во втором классе. Интересно, кто доплачивает за их билеты, скажи, кто?

Вторая *(продолжая свой рассказ)* . Ну так вот, знаешь, что она мне сказала? Сказала: а мне наплевать. Уж я за себя постою…

Проходят. Входят мать и Венсан, нагруженные шляпными картонками, саквояжами.

Мать. Венсан, котик, где большой чемодан и зеленая картонка?

Венсан. У меня. Иди быстрее.

Мать. Будь осторожен, ремень ослабел. Помню, в Буэнос-Айресе шляпная картонка Сары раскрылась на перроне. Страусовые перья валялись повсюду, даже на рельсах…

Проходят. Вслед за ними идет отдувающийся толстяк, он кричит кому-то идущему сзади.

Дюлак. Быстрее, черт тебя побери, быстрее! И проверь вещи в багажном вагоне, чертов осел! Садись в хвост. Мы поедем в головных вагонах.

Эвридика *(тихо).* Вот они проходят перед нами, все действующие лица моей жизни…

Наконец, по сцене пробегает, не в силах бежать, жалкий, смешной молоденький администратор, он тащит слишком много чемоданов и свертков, которые то и дело падают у него из рук. И все это под аккомпанемент гудков приближающегося поезда и отдаленных криков.

Эвридика *(тихо, Орфею).* Закройте дверь.

Орфей закрывает дверь, и сразу со всех сторон их обступает тишина.

Ну вот. Теперь мы одни на целом свете.

Громкоговоритель *(где-то вдалеке)* . Пассажиры, отъезжающие на Тулузу, Безье, Каркассон, посадка с седьмого пути. Поезд прибывает на станцию.

Орфей тихо подходит к Эвридике. Грохот поезда, прибывающего на станцию, и вдруг — крик,

крик, переходящий в вопль, который все растет и вдруг сменяется зловещей тишиной. Кассирша встает со своего табурета, пытаясь разглядеть, что произошло. По сцене пробегает официант.

Официант *(кричит им на ходу)* . Кто-то бросился под скорый, какой-то молодой человек!

По перрону бегут люди. Орфей и Эвридика стоят лицом к лицу, не смея взглянуть друг на друга, не произнося ни слова: На перроне появляется молодой человек в плаще; он входит, закрывает дверь, смотрит на них.

Эвридика *(тихо).* Я ничего но могла поделать, я любила тебя, а его не любила.

Пауза, они смотрят прямо перед собой.

Молодой человек. *(подходит к ним; бесстрастным голосом, не сводя с них взгляда).* Он бросился под паровоз. Он умер сразу, от удара.

Эвридика. Какой ужас!

Молодой человек. Нет, он выбрал вовсе не плохой способ. Яд действует медленно, от него долго мучаются. И потом рвота, судороги — все это омерзительно. И снотворное то же самое — некоторые люди думают, что они заснут, и все. Просто смешно! Умирают с икотой, с дурными

запахами. *(Подходит ближе, спокойный, улыбающийся.)* Поверьте мне… легче всего, когда очень устал, когда долго шел и шел с одной и той же неотвязной мыслью, легче всего — скользнуть в воду, как в мягкую постель… Задыхаешься, но не больше секунды, зато какие великолепные видения… А потом засыпаешь. Наконец-то!

Эвридика. Вы думаете, ему было не больно умирать?

Молодой человек. Умирать никогда не больно, мадемуазель. Смерть никогда не причиняет боли. Смерть ласкова… Это жизнь причиняет нам муки, когда мы принимаем разные яды, наносим себе неумелые раны. Остатки жизни. Надо смело довериться смерти, как другу. Как другу с нежной и сильной рукой.

Орфей и Эвридика стоят, прижавшись друг к другу.

Эвридика *(тихо, как бы оправдываясь)* . Мы не могли поступить иначе. Мы любим друг друга.

Молодой человек. Да, я знаю. Я вот тут слушал ваш разговор. Красивый молодой человек и красивая девушка! И готовы сыграть свою роль до конца, не плутуя. Без мелких уступок комфорту, обыденщине, которые сулят любовникам долгую благополучную жизнь. Два отважных зверька, с

гибкими членами, с крепкими зубами, готовые сражаться, как и подобает, до самой зари и пасть вместе от ран.

Эвридика *(шепотом).* Но, мсье, мы не знаем вас.

Молодой человек. А я вас знаю. И очень рад нашей встрече. Вы едете вместе? Сегодня вечером только один поезд. На Марсель. Вы поедете?

Орфей. Да, конечно.

Молодой человек. Я тоже еду туда. Возможно, я еще буду иметь удовольствие встретиться с вами. *(Кланяется и уходит.)*

Орфей и Эвридика поворачиваются лицом друг к другу. Они стоят, такие маленькие среди большого, пустынного зала.

Орфей *(тихо).* Любовь моя.

Эвридика. Бесценная моя любовь.

Орфей. Вот и начинается наша история…

Эвридика. Мне чуточку страшно… Добрый ты? Или злой? Как тебя зовут?

Орфей. Орфей. А тебя?

Эвридика. Эвридика.

Занавес

Действие второе

Номер в провинциальной гостинице, большой, темный и грязный. Слишком высокие потолки тонут во мраке, пыльные двойные занавеси, большая железная кровать, ширма, скудное освещение. Орфей и Эвридика лежат одетые на кровати.

Орфей. Подумать только, что все могло сорваться. Стоило тебе пойти направо, а мне налево. Да что там! Стоило пролететь птице, вскрикнуть ребенку, и ты на секунду отвернулась бы. И я сейчас вместе с папой пиликал бы на скрипке в Перпиньяне, на террасе кафе.

Эвридика. А я сегодня вечером играла бы в Авиньонском театре, в «Двух сиротках». Две сиротки — это мы с мамой.

Орфей. Я думал ночью, сколько понадобилось счастливых совпадений, чтобы мы встретились. Думал о маленьких незнакомых друг другу мальчике и девочке, которые в один прекрасный день, за много лет до встречи, направились к затерянной провинциальный станции… Ведь

мы могли не узнать друг друга, перепутать день или станцию.

Эвридика. Или встретиться совсем еще маленькими, когда родители, взяв нас за руки, насильно увели бы за собой.

Орфей. Но, к счастью, мы не перепутали ни день, ни час. Ни разу за весь этот долгий путь мы не запоздали. О, мы страшно сильные!

Эвридика. Да, любимый.

Орфей *(могучий и снисходительный)* . Вдвоем мы в сто раз сильнее всего на свете!

Эвридика *(глядя на него с легкой улыбкой)* . О мой герой! Но вчера, входя в эту комнату, ты так боялся.

Орфей. Вчера мы еще не были сильнее всех. Мне страшно было вверить нашу любовь во власть этой последней жалкой случайности.

Эвридика *(тихо).* На свете есть много таких вещей, которых лучше бы не было совсем, но ничего не поделаешь, они рядом — огромные и невозмутимые, как море.

Орфей. Подумать только, — а что, если бы вчера, выйдя из этой комнаты, мы остались бы никем друг для друга — даже не братом и сестрой, как вот сейчас, — никем, двумя улыбающимися врагами, вежливыми и отчужденными, разгова-

ривающими о посторонних вещах. О, я ненавижу любовь…

Эвридика Тсс. Нельзя так говорить…

Орфей. Теперь мы хоть знаем друг друга. Наше плечо помнит тяжесть отуманенной сном головы, мы помним, как звенит наш смех. Теперь у нас есть воспоминания, они нам защита.

Эвридика. Позади целый вечер, целая ночь и целый день — как мы богаты!

Орфей. А еще вчера у нас ничего не было; мы ничего не знали и наугад вошли в эту комнату под взглядом страшного усатого коридорного, который не сомневался, что мы будем заниматься любовью. И мы стали торопливо раздеваться, стоя друг перед другом…

Эвридика. Ты словно сумасшедший разбросал одежду по всей комнате…

Орфей. Ты вся дрожала. И никак не могла расстегнуть пуговички на платье, а я смотрел, как ты рвала их, и не двигался с места. А потом, когда ты была уже совсем нагая, тебе вдруг стало стыдно.

Эвридика *(опуская голову).* Я подумала, что кроме всего должна быть еще и красивой, а я уже не была в этом уверена.

Орфей. Мы долго стояли друг перед другом, не смея ничего сказать, не смея пошевелиться… Мы

были такими несчастными, такими нагими, и было так несправедливо, что мы должны сразу рискнуть всем, даже той нежностью, от которой у меня внезапно перехватило горло, когда я заметил на твоем плече маленький красный прыщик.

Эвридика. А потом все стало просто и легко…

Орфей. Ты положила голову мне на плечо и уснула. А я, я неожиданно почувствовал себя сильным, оттого что ощущал тяжесть твоей головы на своем плече. Мне чудилось, что мы лежим голые на песчаном берегу, моя нежность, подобно морскому приливу, постепенно заливает наши распростертые тела… Как будто и впрямь нужны были и эта борьба и наша нагота на скомканной постели, чтобы мы могли действительно сродниться, как два брата.

Эвридика. О любимый мой, ты думал обо всем этом и не разбудил меня…

Орфей. Но ты во сне сказала мне нечто такое, на что я не мог ответить.

Эвридика. Я разговаривала? Я всегда разговариваю во сне. Надеюсь, ты не слушал?

Орфей *(улыбаясь).* Слушал.

Эвридика. Видишь, какой ты предатель! Вместо того чтобы честно спать, как я, ты за мной

шпионил. Разве я могу знать, о чем говорю, когда сплю?

Орфей. Я разобрал только два слова. Ты так мучительно вздохнула. Чуть скривила губы и сказала: «Как трудно».

Эвридика *(повторяет).* Как трудно…

Орфей. Отчего тебе было так трудно?

Эвридика *(с минуту молчит, не отвечая, потом качает головой; быстро, слабым голоском)* . Не знаю, любимый. Это было во сне.

В дверь стучат, и почти тотчас же. входит коридорный. У него пышные седоватые усы, странная внешность.

Коридорный. Мсье звонили?

Орфей. Нет.

Коридорный. А-а! Мне послышалось, что мсье звонили. *(Секунду стоит в нерешительности, потом выходит со словами.)* Извините, мсье.

Эвридика *(едва он вышел).* Ты думаешь, они настоящие?

Орфей. Что?

Эвридика. Его усы.

Орфей. Конечно. Они кажутся приклеенными. А ведь известно, что только приклеенные усы и бороды кажутся настоящими.

Эвридика. Но вид у него совсем не такой благородный, как у вчерашнего официанта из вокзального буфета.

Орфей. Того, что из «Комеди Франсэз»? Да, но в его благородстве было что-то нарочитое. В сущности, несмотря на величественные манеры, он рохля. Уверяю тебя, этот гораздо загадочнее.

Эвридика. Да. Даже чересчур. Я не люблю людей чересчур загадочных. Я его немного боюсь. А ты нет?

Орфей. Немного, только я не решался сказать тебе это.

Эвридика *(прижимаясь к нему).* О мой любимый, обнимемся покрепче! Какое счастье, что нас двое.

Орфей. В нашей истории уже есть действующие лица… Вот эти двое — благородный рохля и странный усач — и прекрасная кассирша с огромным бюстом…

Эвридика. Как жаль, что прекрасная кассирша так ничего и не сказала нам!

Орфей. В каждой истории имеются такие вот безмолвные персонажи. Она ничего не сказала, но все время смотрела на нас, и если бы не осталась теперь навеки немой, чего бы только она не порассказала нам про нас!..

Эвридика. А железнодорожник на станции?

Орфей. Заика?

Эвридика. Да, прелестный маленький заика. До чего он был маленький и милый с толстой цепочкой от часов и красивой фуражкой! Так и хотелось взять этого крошку за ручку и повести в кондитерскую угостить пирожными.

Орфей. Помнишь, как он перечислил нам все станции, где мы не должны пересаживаться, чтобы мы, упаси боже, не ошиблись и запомнили, на какой станции нам действительно надо пересесть!

Эвридика. О милый маленький заика! Уж он, конечно, принес нам счастье. Но другой — чудовище, грубиян, этот контролер…

Орфей. А, тот болван. Тот, который никак не хотел понять, что, имея на руках один билет третьего класса до Перпиньяна и еще один билет третьего класса до Авиньона, мы хотим доплатить за два билета второго класса до Марселя?

Эвридика. Да, тот самый. До чего же он был уродливый, до чего тупой, жадный и самодовольный. А эти противные щеки, такие пухлые, набитые бог знает чем, гладко выбритые, румяные, свисали прямо на целлулоидный воротничок.

Орфей. Это наш первый злодей. Наш первый

предатель. Увидишь, будут и другие… Счастливые истории всегда кишат предателями.

Эвридика. Но от него я отказываюсь! Я прогоняю его. Скажи ему, что я прогнала его! Я не желаю, чтобы в наши с тобой воспоминания затесался такой болван.

Орфей. Слишком поздно, любимая. У нас уже нет права прогонять кого бы то ни было.

Эвридика. Значит, этот гнусный, самодовольный толстяк так на всю жизнь и войдет в наш первый день?

Орфей. На всю жизнь.

Эвридика. А та мерзкая старуха в трауре, которой я показала язык, та, что бранила свою худенькую служанку? Неужели она тоже останется в нашем первом дне навсегда?

Орфей. Навсегда, так же, как девочка в поезде, которая не сводила с тебя глаз, и большая собака, которая упорно желала идти за тобой, как все наши милые персонажи.

Эвридика. А нельзя ли сохранить в своих воспоминаниях о первом дне только ту большую собаку, девочку и цыганок, которые танцевали на ходулях вечером на площади, и, скажем, еще славного маленького заику?… Значит, по-твоему, нельзя выбросить плохих персонажей и оставить

только хороших?

Орфей. О, это было бы слишком прекрасно.

Эвридика. Ты думаешь, нельзя даже пытаться представить их себе не такими уродливыми, хотя бы на один только первый день… Сделать контролера не таким самодовольным, ту противную богатую старуху не такой желчной, не такой лицемерной, или хотя бы пусть служанка будет немножко потолще, чтобы ей не так тяжело было таскать сумки с провизией?

Орфей. Это невозможно. Теперь все они уже прошли, и добрые и злые. Они уже совершили свой пируэт в твоей жизни и произнесли свою реплику… И такими останутся в тебе навсегда.

Пауза.

Эвридика *(внезапно).* Значит, если ты, предположим, в своей жизни видел много уродливого, это все остается в тебе?

Орфей. Да.

Эвридика. Так и лежат рядышком, аккуратно разложены по полочкам все гнусные картины, все люди, даже те, которых ты ненавидел, даже те, от которых бежал? А все пошлые слова, услышанные тобой, значит, они хранятся в глубине души? И, значит, любой твой жест твоя рука и

поныне помнит?

Орфей. Да.

Эвридика. Ты уверен, что даже те слова, которые были произнесены помимо нашей воли и которые уже нельзя вернуть, что и они тоже все еще у нас на устах, когда мы говорим?

Орфей *(хочет обнять ее).* Ну да, моя глупышка…

Эвридика *(высвобождаясь).* Подожди, не обнимай меня. Лучше объясни. Это все на самом дело, то, что ты мне сейчас говорил или только ты так думаешь? Есть кроме тебя и другие люди, которые так говорят?

Орфей. Конечно.

Эвридика. Ученые? Ну те, кто обязан разбираться в таких вещах, те, кому можно верить?

Орфей. Да.

Эвридика. Выходит, человек никогда не бывает один, раз все это мельтешит вокруг. Никогда не бывает искренен, даже если изо всех сил хочет этого… Если все слова остаются с тобой и все гнусные взрывы смеха, если все руки, которые касались тебя, все еще липнут к твоей коже, значит, никогда не сможешь стать иной?

Орфей. Что ты тут сочиняешь?

Эвридика *(после паузы).* Скажи, по-твоему, да-

же если еще ребенком знаешь, что придет день и тебе необходимо будет стать совсем чистой, совсем честной, то все равно и тогда ничего нельзя изменить? А если об этом рассказываешь? Если говоришь, я сделала то-то, я произнесла или выслушала такое-то слово, я кому-то позволила… *(Останавливается.)* Когда рассказываешь о таких вещах другому человеку, ну, например, тому, кого любишь… как они считают, твои ученые, может ли это убить все то, что толпится вокруг нас?

Орфей. Да. Они называют это исповедоваться. Считается, что после этого ты вымыт до блеска, весь так и сверкаешь…

Эвридика. Вот как! И они в этом совершенно уверены?

Орфей. Они говорят, что да.

Эвридика *(после минутного размышления)* . Да-да, но что, если они заблуждаются или говорят просто для того, чтобы выведать всю подноготную, что, если от признания все это оживает с удвоенной силой, станет вдвойне живучим; что, если и другой человек отныне будет все время вспоминать об этом… Скажи своим ученым, что я им не верю, что, по-моему лучше уж ничего не говорить…

Орфей смотрит на нее.

(*Замечает это и добавляет поспешно, прильнув к нему.)* Или же, любимый, если все так просто, как было вчера у нас с тобой, лучше рассказать обо всем, как я.

Коридорный стучится в дверь и входит.

Коридорный. Мсье звонил?

Орфей. Нет.

Коридорный. О, прошу прощения. *(Делает шаг к двери, с порога.)* Должен сказать, мсье, что звонок не работает и что если мсье хочет позвонить, то лучше просто позвать.

Орфей. Хорошо.

Коридорный (хотел было уйти, но передумал, прошел, через комнату к окну и стал сдвигать и раздвигать шторы). Зато шторы в полном порядке.

Орфей. Мы видим.

Коридорный. Есть номера, где, наоборот, звонок работает, а шторы нет. *(Собираясь уходить.)* Но все же, если мсье пытался их раздвинуть, а они не действовали, мсье достаточно было позвонить… *(останавливается)* позвать, наконец, потому что, как я уже говорил мсье, звонок… *(Разводит руками и выходит.)*

Орфей. Вот наш первый странный персонаж.

Будут еще и другие. Впрочем, этот, должно быть, честный, бесхитростный овернец.

Эвридика. О нет! Он все время смотрел на меня. Разве ты не заметил, что он все время смотрел на меня?

Орфей. Тебе почудилось.

Эвридика. Нет, мне больше нравился другой, гораздо больше нравился другой- из «Комеди Франсэз»… Сразу чувствуешь, что он никогда не будет слишком опасен, даже в трагедии…

Коридорный стучится и снова входит. Чувствуется, что он стоял за дверью.

Коридорный. Прошу прощения. Я позабыл сказать мсье, что хозяйка просила его спуститься вниз: в карточке, которую вы заполнили, чего-то не хватает. Хозяйка должна отдать ее сегодня вечером.

Орфей. Нужно спуститься немедленно?

Коридорный. Да, мсье, если возможно.

Орфей. Хорошо. Иду. А ты пока что оденься, мы пойдем пообедаем.

Коридорный открывает дверь, пропуская Орфея, и выходит за ним, но почти тотчас же возвращается, подходит к Эвридике, которая уже встала.

Коридорный *(протягивая ей конверт).* Вам письмо. Я должен был передать его вам с глазу на глаз. Хозяйки в конторе нет. Я солгал. Тут всего один этаж. У вас только полминуты, чтобы прочесть письмо. *(Стоит перед Эвридикой.)*

Она слегка дрожит, когда берет письмо, распечатывает его, читает и, не изменившись в лице, разрывает, потом идет к корзинке и выбрасывает клочки.

Только не в корзину. *(Идет к корзинке, становится на колени, собирает клочки бумаги, запихивает их в карман своей куртки.)* Давно вы знакомы?

Коридорный. Обычно еще самая хорошая пора.

Эвридика. Да, обычно.

Коридорный. Нагляделся я на всех спавших в этой комнате, на этой кровати, как вот вы недавно. И не только на красивых. На чересчур толстых и чересчур худых, на уродов. И все слюнявили «любовь наша, любовь». Порой, когда, как вот сейчас, наступает вечер, мне кажется, что я вижу их всех вместе. Вся комната кишит ими. Да, не так уж это красиво — любовь.

Эвридика *(еле слышно)* Нет.

Орфей *(входя).* Вы все еще здесь?

Коридорный. Нет, мсье. Я ухожу.

Орфей. Хозяйки внизу не оказалось.

Коридорный. Должно быть, я замешкался, когда шел предупредить мсье. У нее не хватило терпения подождать. Ничего, мсье, можно отложить до вечера. *(Еще раз оглядывает их обоих и уходит.)*

Орфей. Что он тут делал?

Эвридика. Ничего. Рассказывал о тех парочках, которые прошли перед ним в этой комнате.

Орфей. Весело, нечего сказать! Эвридика. Говорил, что иногда ему чудится, будто он видит их всех вместе. Вся комната кишит ими.

Орфей. И ты слушала подобный вздор?

Эвридика. Может быть, это совсем не вздор. Ведь ты сам сказал, ты, которому все известие, что те, кого мы прежде знали, продолжают жить в нашей памяти. Может быть, и у комнат тоже есть своя память… Все те, кто прошел через эту комнату, они здесь, вокруг нас, сплетенные в объятии, и чересчур толстые, и чересчур худые, и уроды.

Орфей. Глупышка.

Эвридика. Постель полна ими; как безобразны их движения.

Орфей *(пытаясь увести ее)* . Пойдем обедать. Улица вся розовая от первых фонарей. Зайдем в маленькое бистро, где пахнет чесноком. Кстати, ты будешь пить из рюмки, которой уже касались тысячи губ, и тысячи толстых задов, протиравших обитый плюшем диванчик, продавили для тебя местечко, где тебе все же будет уютно. Ну идем же.

Эвридика *(сопротивляясь).* Ты смеешься, ты все время смеешься. Ты такой сильный.

Орфей. Со вчерашнего вечера! Герой!.. Ты же сама мне сказала.

Эвридика. Да-да, герой, который ничего не слышит, ничего не чувствует, который уверен в себе и идет вперед напролом, не оглядываясь. О, еще бы, вам легко, — теперь, когда вы взвалили все бремя на меня… Вы тут разглагольствуете бог знает о чем, вы воскрешаете — и как раз в тот момент, когда этого совеем не ждешь, — все грязные парочки, которые копошились в этих четырех стенах, вы пачкаете нас липкой смолой истасканных слов, а потом и в ус не дуете. Вы отправляетесь обедать, объявив: все хорошо, зажглись огни, пахнет чесноком.

Орфей. Ты и сама скажешь это через минуту. Пошли, уйдем отсюда.

Эвридика. Для меня все хорошее кончилось. Нет больше хороших запахов. Как все было мимолетно…

Орфей. Да что с тобой? Ты вся дрожишь.

Эвридика. Да, дрожу.

Орфей. Ты побледнела.

Эвридика. Да.

Орфей. Почему у тебя такие глаза? Я никогда не видел у тебя таких глаз. *(Хочет привлечь ее к себе, она отворачивается.)*

Эвридика. Не смотри на меня. Когда ты смотришь на меня, твой взгляд меня волнует. Словно ты положил мне руки на бедра и проник в меня, как пламень. Не смотри на меня.

Орфей. Я со вчерашнего дня смотрю на тебя. *(Привлекает ее к себе; она уступает.)*

Эвридика *(побежденная, прижавшись к нему, шепчет).* Знаешь, ты сильный… На вид ты просто худенький мальчуган, а ты сильнее всех на свете. Когда ты играешь на скрипке, как вчера на том вокзале, или когда ты говоришь, я чувствую себя маленькой змейкой… И мне остается только одно — тихонько приползти к тебе.

Орфей. *(заключив Эвридику в объятия, согревает ее)* . Хорошо ли тебе, милая змейка?

Эвридика. Порой, когда ты молчишь, мне ка-

жется, я свободна, как прежде. И я целую минуту изо всех сил дергаю за нитку. Но вот ты опять заговорил, нитка наматывается на катушку, я снова в западне, и я счастлива…

Орфей. Ты змейка, которая слишком много размышляет. А змейки должны просто греться на солнышке, пить молочко, которое им приносят, и мирно мурлыкать.

Эвридика *(тихонько).* Это котята мурлыкают.

Орфей. *(гладит ее по голове)* . Не важно, мурлычь себе на здоровье, я с тобой.

Эвридика. Ты предатель. Ты нежно треплешь меня по голове, и я засыпаю под твоим ласковым солнышком.

Орфей. И говоришь: «Как трудно».

Эвридика *(внезапно кричит, высвобождаясь из его объятий)* . О, любимый!

Орфей. Да.

Эвридика. Я боюсь, это будет слишком трудно.

Орфей. Что — это?

Эвридика. В первый день все кажется таким легким. В первый день только и знай придумывай. Ты уверен, что мы не придумали все это?

Орфей. *(обхватывает руками ее голову).* Я твердо уверен, что я тебя люблю и что ты меня любишь. И уверенность моя тверда, как камень,

как все, что из дерева и из железа.

Эвридика. Да, но, может быть, ты вообразил меня другой. А потом, когда ты взглянешь мне в лицо и увидишь меня такой, какая я есть…

Орфей. Я со вчерашнего дня смотрю в твое лицо. Слушаю, как ты разговариваешь во сне.

Эвридика. Да, но я сказала тебе совсем немного. А если сегодня вечером я снова усну и скажу все?

Орфей. Все! Что — все?

Эвридика. Старые прилипшие слова, старые истории. Или вдруг кто-нибудь, одно из действующих лиц, придет и скажет тебе…

Орфей. Что они могут мне сказать о тебе? Теперь я знаю тебя лучше, чем они.

Эвридика. Ты думаешь? *(Поднимает голову и смотрит на Орфея, который продолжает все с большим воодушевлением.*)

Орфей. Мой милый солдатик. Я хорошо узнал тебя за весь тот день, что ты была у меня под началом. До чего я был отвратителен вчера, когда разыгрывал из себя командира. «Быстрее, поезд подходит. Садись в последний вагон. Займи места, я пойду за подушками. Просыпайся, уже Марсель. Пора выходить. Держись, гостиница далековато от станции, но у нас нет денег на такси…». И оглушенный солдатик, у которого глаза

еще слипались от сна, с бодрой улыбкой хватал чемоданы. И ать-два, ать-два, храбро шагал во мраке за своим капитаном… Подумать только, вдруг бы я нарвался на даму в шляпке с перьями, на высоких цокающих каблучках! Да я умер бы от страха, когда просил номер в гостинице. А в вагоне, под взглядами всех этих мужчин, которые притворялись, что спят, а сами мысленно раздевали тебя… Как знать? Быть может, она улыбнулась бы, быстро стянула с себя юбочку, потом уронила головку на плечо, втайне довольная, что все купе, хоть и притворяется спящим, желает ее… О, я умер бы от стыда… Но мой молчаливый солдатик, сидевший рядом со мной, сразу стал как деревянный. Ноги ловко поджаты, юбка загадочным образом удлинилась, руки спрятаны, вся застыла, как изваяние. Маленькая, незрячая мумия, и разочарованные соседи, которые притворялись спящими, постепенно забыли о ней и захрапели один за другим. А я даже не поблагодарил тебя.

Эвридика *(тихо, опустив голову)* . Не надо.

Орфей. Я не поблагодарил тебя и за твое мужество…

Эвридика *(еле слышно).* За какое мужество?

Орфей. За те дни — а они не за горами, — когда

вместо обеда мы закурим последнюю сигарету, которой будем затягиваться по очереди. За выставленные в витринах платья, мимо которых ты будешь проходить, словно бы не замечая их; за насмешливых продавцов, злых хозяек гостиниц, консьержек… Я не поблагодарил тебя за аккуратно застеленные кровати, за чисто подметенные комнаты, за вымытую посуду, за покрасневшие руки и рваные перчатки, за запахи кухни в твоих волосах. За все, чем ты пожертвовала, согласившись пойти со мной.

Эвридика слушает, опустив голову.

(*Молча смотрит на нее.)* Я и не думал, что такое возможно, что в один прекрасный день я встречу товарища и он пойдет со мной, надежный, неунывающий, живо подхватит свои вещички и не станет бросать улыбки направо и налево. Мой молчаливый товарищ, который выдержит все, а вечером прижмется ко мне, теплый, красивый. Для меня одного женщина, потаеннее и нежнее всех тех девиц, которые виснут на мужчине, разряженные в пух и прах. Моя недотрога, дикарка моя, маленькая моя незнакомка. Я проснулся сегодня среди ночи и спросил себя, неужели я такой же тупой и неуклюжий, как и другие мужчины

со своей дурацкой гордыней и грубыми руками, и стою ли я тебя на самом деле.

Эвридика *(подняла голову и внимательно смотрит на него в надвигающихся сумерках; очень тихо)* . Ты и правда так думаешь обо мне?

Орфей. Да, любовь моя.

Эвридика *(после некоторого раздумья)* . Да, правда. И в самом деле — это очаровательная Эвридика.

Орфей. Но ведь это ты.

Эвридика. Да. Ты прав, такая жена тебе подходит. *(Пауза. Тихо, нежным, странным голосом, гладя его по волосам.)* Мадемуазель Эвридика, твоя жена…

Орфей *(выпрямляется, сильный, радостный)* . Приветствую вас! Ну, теперь вы наконец согласитесь пойти пообедать? Заклинатель змей не может больше дуть в свою флейту. Он подыхает с голоду.

Эвридика *(другим голосом).* Теперь зажги свет..

Орфей. Вот наконец разумное слово! Полная иллюминация. Волны света. Призраки удаляются. *(Поворачивает выключатель.)*

Резкий свет затопил комнату, подчеркивая ее безобразие.

Эвридика *(встает)* . Любимый мой, мне не хочется идти в ресторан, видеть людей. Давай, лучше я спущусь вниз, куплю чего-нибудь, и мы поедим здесь.

Орфей. В комнате, где все так и кишит?

Эвридика. Теперь это уже не важно…

Орфей *(шагнув вперед)* . Что ж, это будет забавно. Я пойду с тобой.

Эвридика *(быстро).* Нет, позволь я пойду одна.

Он останавливается.

Мне будет так приятно хоть раз пойти для тебя за покупками, как вполне добропорядочная особа.

Орфей. Тогда накупи всего побольше.

Эвридика. Да.

Орфей. Мы устроим пиршество.

Эвридика. Да, мой любимый.

Орфей. Так, словно у нас на самом деле есть деньги. Никогда богатым людям не понять, что это за чудо… Купи ананас, настоящий ананас, дар небес, а не жалкие американские консервы. Правда, ножа у нас нет. И мы не сможем его съесть. Но ананас защищается — это тоже вполне справедливо.

Эвридика *(тихо смеется, с глазами, полными*

слез). Да, любимый.

Орфей. Купи к обеду еще цветы, побольше цветов…

Эвридика *(бормочет с жалкой улыбкой).* Но ведь их не едят.

Орфей. Верно. Мы поставим их на стол. *(Оглядываясь вокруг.)* У нас нет стола. Все равно купи побольше цветов. И еще купи фруктов: персиков, больших, самых лучших персиков, абрикосов, слив. Немножко хлеба, чтобы было видно, что мы люди серьезные, и бутылку белого вина, мы будем пить из стакана для полоскания зубов. Ну беги, я умираю с голоду!

Эвридика берет шляпку, надевает ее перед зеркалом.

Ты надеваешь шляпку?

Эвридика. Да. *(Внезапно оборачивается; странным, хриплым голосом.)* Прощай, мой любимый.

Орфей *(со смехом кричит ей).* Ты сказала «прощай», будто с Марселем прощаешься?

Эвридика *(с порога)* . Да. *(Еще секунду смотрит на него, улыбающаяся и жалкая, потом стремительно выходит.)*

Орфей *(с минуту стоит неподвижно, улыбаясь ушедшей Эвридике. Внезапно улыбка его исчезает,*

лицо вытягивается, его охватывает смутная тревога, он бежит к двери, зовет) . Эвридика! *(Открывает дверь и отступает, пораженный.)*

На пороге, улыбаясь, стоит молодой человек, который подходил к ним на станции.

Молодой человек. Она уже спустилась вниз.

Орфей отступил, удивленный, не сразу узнав его.

Вы меня не припоминаете? Мы познакомились вчера в вокзальном буфете в тот момент, когда произошел несчастный случай… Помните, молодой человек бросился под поезд… Я взял на себя смелость войти к вам поздороваться. Вы мне оба очень понравились. Мы соседи. Я живу в одиннадцатом номере. *(Делает шаг в комнату, в руке у пего пачка сигарет.)* Вы курите?

Орфей машинально берет сигарету.

А я вот не курю. *(Достает коробку спичек и дает прикурить Орфею.)* Огня?

Орфей. Благодарю вас. *(Закрывает дверь, машинально.)* С кем имею честь?…

Молодой человек. Вся прелесть дорожных знакомств именно в том, что не знаешь точно, с

кем имеешь дело. Мое имя вам ничего не скажет. Называйте меня господин Анри.

Он уже вошел в комнату и, улыбаясь, смотрит на Орфея. Орфей тоже смотрит на него как зачарованный.

Прекрасный город Марсель. Сплошное человеческое кишение, мошенничество, грязь. Правда, в улочках старого порта происходит не так уж много убийств, как рассказывают, но все же город прекрасный. Вы долго рассчитываете здесь пробыть?

Орфей. Не знаю.

Г- н Анри. Я несколько бесцеремонно заговорил с вами вчера. Но вы оба были такие трогательные, так прижались друг к другу посреди большого пустынного зала… Великолепные декорации, не правда ли? Багровые, мрачные, надвигается ночь, и эти вокзальные шумы вдали… *(Долго смотрит на Орфея, улыбается.)* Маленький Орфей и мадемуазель Эвридика… Не каждый день подворачивается такая удача… Я мог бы и не заговорить с вами… Обычно я ни с кем не заговариваю. К чему? Но тут, сам не знаю отчего, не удержался, захотелось поближе вас узнать. Вы музыкант?

Орфей. Да.

Г- н Анри. Я люблю музыку. Люблю все нежное, радостное. На самом деле, я люблю счастье. Но поговорим о вас. Обо мне говорить неинтересно. Только сначала выпейте чего-нибудь. Так легче разговаривать. *(Встает, звонит. Во время короткой паузы, улыбаясь, смотрит на Орфея.)* Мне очень приятно поболтать с вами.

Входит коридорный.

Что вы пьете? Водку? Коньяк?

Орфей. Как вам угодно.

Г- н Анри. Один коньяк, пожалуйста.

Коридорный. Одну рюмку?

Г- н Анри. Да. *(Орфею.)* Извините меня, я не пью.

Коридорный выходит.

(*Опять с улыбкой смотрит на Орфея.)* Я очень рад этой встрече.

Орфей (со смущенным поклоном). Благодарю вас.

Г- н Анри. Должно быть, вы удивлены, почему я так вами интересуюсь.

Орфей делает неопределенный жест.

Я сидел вчера за дальним столиком, когда она подошла к вам, словно влекомая вашей музыкой. Не правда ли, до чего волнуют те краткие мгновения, когда удается подглядеть, как судьба передвигает свои пешки?

Входит коридорный.

А, вот и ваш коньяк!
Коридорный. Ваш коньяк, мсье.
Орфей. Спасибо.

Коридорный выходит.

Г- н Анри *(смотрит ему вслед).* Заметили вы, с какой необычной медлительностью коридорный вышел из комнаты?
Орфей. Нет.
Г- н Анри *(идет к двери, слушает).* Он, конечно, снова занял свой пост за дверью. *(Возвращается к Орфею.)* Уверен, что он уже не раз входил к вам в комнату под различными предлогами; уверен, что он уже пытался заговорить с вами.
Орфей. Да, пытался.
Г- н Анри. Вот видите, сегодня не я один интересуюсь вами… Держу пари, что со вчерашнего дня и торговцы, и железнодорожные служащие, и маленькие девочки на улице тоже улыбались

вам как-то необычно…

Орфей. С влюбленными всегда бывают любезны.

Г- н Анри. Это не только любезность. Вам не кажется, что они смотрели на вас как-то слишком пристально?

Орфей. Нет. Почему?

Г- н Анри *(улыбаясь).* Да просто так. *(С минуту раздумывает, потом вдруг берет Орфея за руку.)* Дорогой мой, существует две породы людей. Одна порода — многочисленная, плодовитая, счастливая, податливая, как глина: они жуют колбасу, рожают детей, пускают станки, подсчитывают барыши — хороший год, плохой год — невзирая на мор и войны, и так до скончания своих дней; это люди для жизни, люди на каждый день, люди, которых трудно представить себе мертвыми. И есть другая, благородная порода — герои. Те, кого легко представить себе бледными, распростертыми на земле, с кровавой раной у виска, они торжествуют лишь один миг — или окруженные почетным караулом, или между двумя жандармами, смотря по обстоятельствам, — это избранные. Вас никогда не соблазняла такая участь?

Орфей. Никогда, а нынче вечером меньше, чем когда-либо.

Г- н Анри *(подходит к нему, кладет ему руку на плечо, смотрит на него почти с нежностью).* Жаль. Не следует чрезмерно верить в счастье. Особенно если ты благородной породы. На твою долю выпадают тогда одни только разочарования.

Коридорный стучится и входит.

Коридорный. Мсье, там какая-то девушка спрашивает мадемуазель Эвридику. Я сказал, что мадемуазель вышла, но она, по-моему, не поверила. Она непременно желает видеть вас, именно вас. Сказать, чтобы она поднялась?

Молодая девушка (входит, отстраняя коридорного). Я уже поднялась. Где Эвридика?

Орфей. Она вышла, мадемуазель. Кто вы такая?

Молодая девушка. Ее подруга по труппе. Мне необходимо немедленно с ней переговорить.

Орфей. Я же сказал вам, она вышла. И потом, я полагаю, ей не о чем с вами говорить.

Молодая девушка. Ошибаетесь, наоборот; ей о многом надо со мной поговорить. Давно она вышла? Она взяла свой чемодан, когда уходила?

Орфей. Чемодан? Зачем ей было брать чемодан? Она пошла купить кое-что на обед.

Молодая девушка. Может, она и пошла купить

вам кое-что на обед, но все же у нее имелись веские причины забрать свой чемодан, потому что она должна была встретиться с нами на вокзале и сесть на поезд, который отходит в восемь двенадцать.

Орфей *(кричит)* . Встретиться с кем?

Коридорный *(вынимает большие медные часы)* . Восемь часов, десять минут, сорок секунд.

Молодая девушка *(словно про себя)* . Она, должно быть, уже с ним на вокзале. Благодарю *вас. (Круто поворачивается.)*

Орфей *(хватает ее за руку у самой двери)* . С кем это — с ним?

Молодая девушка. Пустите меня. Мне больно. Я опоздаю на поезд!

Коридорный (который все время смотрит на часы). Одиннадцать минут ровно.

Дюлак *(появляясь на пороге, коридорному)* . Тринадцать минут. Ваши отстают. Поезд ушел. *(Орфею.)* Отпустите эту девчонку, я вам отвечу за нее. На вокзале со мной.

Орфей *(отступая).* Кто вы такой?

Дюлак. Альфредо Дюлак. Импресарио Эвридики. Где она?

Орфей. Что вам от нее нужно?

Дюлак *(спокойно переступает порог, жуя по-*

тухшую сигару). А вам?

Орфей. Эвридика моя возлюбленная.

Дюлак. Давно?

Орфей. Со вчерашнего дня.

Дюлак. Представьте, она и моя возлюбленная тоже. Уже целый год.

Орфей. Лжете!

Дюлак *(улыбаясь).* Только потому, что она забыла рассказать вам об этом?

Орфей. Эвридика рассказала мне обо всем, прежде чем пошла со мной. Три месяца она была любовницей юноши, который бросился вчера под поезд.

Дюлак. Подумайте только, что за болван! Парень играл у меня злодеев. Наводил страх на всю труппу. Девчонка сказала, что хочет его оставить, и он бросился под перпиньянский поезд. Впрочем, одного я не могу взять в толк, почему она его предупредила. От нас она упорхнула бесшумно, как пташка…

Орфей. Вероятно, он был единственный, кому ей надо было дать отчет.

Дюлак. Нет. Был я. Прежде всего как импресарио. Вот уже два вечера я на скорую руку заменяю ее, а это не так легко. И еще потому, что позавчера, только уж не прогневайтесь, она провела ночь

именно со мной.

Орфей *(смотрит на него).* Трудно даже сказать, чего в вас больше, смешного или гнусного…

Дюлак *(проходит в комнату). Вот как?*

Орфей. Впрочем, я думаю, вы, скорее, смешны, хоть и бахвалитесь.

Дюлак. Только потому, что вчера вечером девчонка была в вашей кровати, а не в моей? Да вы ребенок, мой милый. Такой девушке, как Эвридика, следует прощать маленькие капризы. Ведь кроме вас она еще принадлежала тому болвану, который вчера покончил с собой. Ну, вы, это я еще понимаю. У вас красивые глаза, вы молоды…

Орфей *(кричит).* Я люблю Эвридику, и она меня любит!

Дюлак. Она вам это сказала?

Орфей. Да.

Дюлак. *(спокойно усаживается в кресло).* Удивительная девчонка. К счастью, я ее хорошо знаю.

Орфей. А что, если я узнал ее лучше, чем вы?

Дюлак. За вчерашний день?.

Орфей. Да, за вчерашний день.

Дюлак. Послушайте, я вовсе не строю из себя мудреца. Зашла бы речь о чем другом — вы на вид умнее меня, — может, я и сказал бы вам: «Ах

вот как, ну что ж», — но уж две вещи я хорошо знаю: прежде всего свое ремесло…

Орфей. А потом Эвридику?

Дюлак. Нет, на это я не претендую. Я хотел употребить куда более скромное слово: женщин. Я уже двадцать лет импресарио. Я поставляю женщин оптом, мой мальчик; будут ли они задирать ножки в провинциальном ревю или надрывать глотку в казино, исполняя знаменитую арию из «Тоски», — мне безразлично; кроме того, я люблю женщин. По крайней мере одной из этих причин вполне достаточно, чтобы утверждать, что их знаешь. Эвридика, возможно, занятная девчонка — я первый вам это сказал, — но нам-то с вами известно, как она скроена, и вы со мной согласитесь, что она как-никак женщина…

Орфей. Нет.

Дюлак. Как — нет? Ваша Эвридика показалась вам ангелом? Поглядите на меня хорошенько, мой милый, Эвридика была моей целый год. Разве я способен совратить ангела?

Орфей. Вы лжете, Эвридика не могла вам принадлежать!

Дюлак. Вы ее любовник, я тоже. Угодно вам, чтоб я ее описал?

Орфей *(отступает)* . Нет.

Дюлак *(приближается к нему. Он отвратителен).* Какая она, ваша Эвридика? Надо ее по утрам вытаскивать из кровати? Силком отрывать от детективных романов и сигарет? Да вы хоть раз видели, чтобы у нее в углу рта не торчал окурок, как у уличного сорванца? А чулки? Неужто она их сразу нашла, когда встала? Будьте откровенны. Во всяком случае, признайтесь, что рубашка ее висела на дверце шкафа, туфли валялись в ванной, шляпа под креслом, а сумка так и не отыскалась. Я уже купил ей семь сумок.

Орфей. Это неправда.

Дюлак. Как так неправда? Вы что, видели аккуратную Эвридику? В чудеса я не верю. Во всяком случае, надеюсь, она заставила вас поторчать перед витринами. Сколько платьев она потребовала от вас со вчерашнего дня? Сколько шляпок? Между нами…

Орфей. Эвридика пошла за мной в своем единственном платье. С маленьким чемоданчиком.

Дюлак. Я начинаю думать, что мы говорим о разных Эвридиках, или же она решила, что все это ненадолго… Она говорила вам, что это на всю жизнь? Убежден, что она была искренна. Она думала: «Это будет на всю жизнь, если он сумеет удержать меня, если папаша Дюлак не нападет

на мой след и не явится за мной». А в глубине души она была совершенно уверена, что папаша Дюлак ее отыщет. Это тоже в ее духе…

Орфей. Нет.

Дюлак. Да, мой милый, да… Эвридика редкая девушка, само собой, но понятия у нее такие же, как и у всех прочих бабенок.

Орфей. Это неправда!

Дюлак. Все у вас неправда, чудной вы, ей-богу, человек! И давно она ушла?

Орфей. Двадцать минут назад.

Дюлак. Ладно, это хоть правда?

Орфей. Да.

Дюлак. И она непременно хотела пойти одна, верно ведь?

Орфей. Да, она так радовалась, что сама купит все на обед.

Дюлак. Это тоже правда?

Орфей. Да.

Дюлак. Так вот, послушайте меня, за пять минут до этого я передал ей письмо и просил приехать ко мне на вокзал.

Орфей. Никто не мог вручить ей письмо, со вчерашнего дня я не покидал ее ни на минуту.

Дюлак. Вы в этом совершенно уверены? *(Смотрит на коридорного.)*

Орфей тоже смотрит на того, сам не зная почему.

Коридорный *(внезапно смущается).* Простите, кажется, меня зовут. *(Исчезает.)*

Орфей. Верно, я оставил ее на минуту. Этот человек сказал, что меня просят зайти в контору.

Дюлак. Как раз ему я и поручил передать записку Эвридике с глазу на глаз. Он передал ее, когда вы были внизу.

Орфей *(шагнул к нему).* Что вы написали ей в этой записке?

Дюлак. Что жду ее к поезду восемь двенадцать. Чего тут было расписывать… Раз уже судьба постучалась в двери и сказала: «Кончено, Эвридика», я знал, что она подчинится. Это только мужчины, мой милый, бросаются из окон…

Орфей. Однако вы видите, она не явилась к вам на вокзал!

Дюлак. Да, правда. Не пришла. Но моя Эвридика всегда опаздывает. Я не слишком тревожусь. А много ли покупок нужно было сделать вашей Эвридике?

Орфей. Хлеб, фрукты.

Дюлак. И вы говорите, что она ушла двадцать минут назад. По-моему, что-то слишком долго, чтобы купить хлеба и фруктов. Торговцев на

улице полно. Может, ваша Эвридика тоже опаздывает? *(Молодой девушке.)* Очевидно, она на вокзале, ищет нас, сбегай-ка взгляни.

Орфей. Я тоже пойду туда!

Дюлак. Вы начинаете верить, что она могла уехать с нами? Лично я остаюсь здесь.

Орфей *(останавливается и кричит молодой девушке)* . Если вы ее увидите, скажите, что…

Дюлак. Это бесполезно. Если она окажется на вокзале, значит, я был прав; значит, ваша маленькая Эвридика, верная и аккуратная, была только мечтой. В таком случае вам не о чем с ней говорить.

Орфей *(снова кричит молодой девушке).* Скажите ей, что я ее люблю!

Дюлак. Может быть, вы выжмете у нее из глаз слезинку — она чувствительна. Вот и все.

Орфей *(снова кричит).* Скажите ей, что она совсем не такая, какой ее считают другие, что на самом деле она такая, какую знаю я!

Дюлак. Объяснять это на вокзале слишком сложно. Давай быстрее! И вот что, приведи ее сюда, я честный игрок. Через минуту она сама скажет нам, какая она есть.

Девушка собирается уходить, но наталкивается на коридорного, который возникает на пороге.

Коридорный. Мсье…

Орфей. Что такое?

Коридорный. Там полицейский с машиной…

Орфей. Что ему нужно?

Коридорный. Он спрашивает, нет ли тут кого из родственников молодой девушки, потому что с ней произошел несчастный случай, мсье, в тулонском автобусе…

Орфей *(кричит, словно обезумев)* . Она ранена? Она внизу? *(Устремляется в коридор.)*

Дюлак следует за ним, чертыхаясь вполголоса, бросив свою сигару; молодая девушка тоже исчезает.

Дюлак *(выходя).* Как это она попала в тулонский автобус?

Коридорный *(остался один перед г-ном Анри, который даже не пошевельнулся).* Никогда им не узнать, как она туда попала… Она не ранена, она умерла. При выезде из Марселя автобус столкнулся с автоцистерной. Другие пассажиры просто порезались осколками разбитого стекла. И лишь она одна… Я видел ее, они положили ее на заднюю скамейку в машину. У нее совсем маленькая ранка на виске. Можно подумать, что она спит.

Г- н Анри *(не слушает. Засунув руки в карманы*

плаща, проходит мимо коридорного. На пороге оборачивается) . Скажите, чтобы приготовили счет. Я уезжаю сегодня вечером. *(Уходит.)*

Занавес

Действие третье

Декорации вокзального буфета, погруженного в темноту. Ночь. Только с перрона, где горят сигнальные огни, просачивается слабый свет. Вдали еле слышное дребезжание звонка. В зале буфета безлюдно. Стулья взгромождены на столы. Мгновение сцена остается пустой, потом открывается дверь на перрон: входит г-н Анри, ведя за собой Орфея, без шляпы, в плаще. Вид у Орфея усталый, измученный.

Орфей (недоуменно оглядывается вокруг). Где мы?

Г- н Анри. Не узнаешь?

Орфей. Я не могу больше идти.

Г- н Анри. Сейчас отдохнешь. *(Берет со стола стул.)* Вот тебе стул.

Орфей *(садится)* . Где мы? Неужели я пьян? Все вокруг меня кружится. Что произошло со вчерашнего дня?

Г- н Анри. Сейчас еще вчерашний день.

Орфей *(вдруг все понял и кричит, пытаясь под-*

няться). Вы обещали мне…

Г- н Анри *(кладет руку ему на плечо)* . Да, я тебе обещал. Сиди. Отдыхай. Хочешь покурить? *(Протягивает Орфею сигарету, тот машинально берет.)*

Орфей *(при свете зажженной спички снова оглядывается вокруг).* Где мы?

Г- н Анри. Угадай.

Орфей. Я хочу знать, где мы?

Г- н Анри. Ты сказал, что не будешь бояться.

Орфей. Я не боюсь. Я только хочу знать, пришли ли мы, наконец.

Г- н Анри. Да, пришли.

Орфей. Куда?

Г- н Анри. Немножко терпения. *(Снова зажигает спичку, обводит взглядом стены, идет к электрическому выключателю.)*

Легкий щелчок в темноте, на задней стене загорается бра, рассеивая вокруг скупой свет.

Теперь узнаешь?

Орфей. Это вокзальный буфет…

Г- н Анри. Да.

Орфей *(встает).* Вы мне солгали, ведь так?

Г- н Анри *(снова принуждая его сесть).* Нет. Я никогда не лгу. Садись. Не кричи.

Орфей. Зачем вы снова вошли ко мне? Я лежал на неубранной постели. Мне было больно. Мне было почти сладко погружаться в свою боль.

Г- н Анри *(глухо).* У меня не хватило мужества видеть, как ты страдаешь.

Орфей. Что вам до моих страданий?

Г- н Анри. Не знаю. Такое со мной впервые. Что-то чужеродное вселилось в меня, и я почувствовал, что слабею. Еще немного твоих слез, твоих мук, и оно стало бы кровоточить, как рана… Я собирался уже уехать из гостиницы. Я отставил чемоданы в сторону и зашел, чтобы успокоить тебя. Но, поскольку тебя ничто не могло успокоить, я дал тебе это обещание, лишь бы ты замолчал.

Орфей. Теперь я молчу. Моя боль стала неслышной. Если у вас чувствительные нервы, вы можете быть довольны.

Г- н Анри. Ты мне все еще не веришь?

Орфей *(сжимает голову руками).* Всей душой хотел бы вам верить, но нет, не верю.

Г- н Анри *(с беззвучным смехом треплет Орфея по волосам).* Бедный мой человечек. Упрямая голова! Ты плачешь, стонешь, страдаешь, но не хочешь верить. Я тебя очень люблю. Надо было очень тебя любить, чтобы вчера не сбежать тотчас же, как обычно. Чтобы войти в комнату, где

ты рыдал. Я ненавижу страдания. *(Снова треплет его по волосам* с *какой-то непонятной нежностью.)* Еще немного, и ты перестанешь плакать, дурачок, тебе не придется больше вопрошать себя, верить или не верить.

Орфей. Она скоро придет?

Г- н Анри. Она уже здесь.

Орфей. На этом вокзале? *(Кричит.)* Но она умерла, я видел, как люди унесли ее.

Г- н Анри. Ты хочешь понять, не так ли, бедный мой человечек? Тебе мало того, что судьба делает ради тебя неслыханное исключение. Ты, не дрогнув, вложил свою руку в мою, пошел за мной, даже не спросив, кто я такой, не замедляя шага, на самый край ночи, но все же ты хочешь понять…

Орфей. Нет. Я хочу снова ее увидеть. Вот и все.

Г- н Анри. И твое любопытство не идет дальше? Я привожу тебя к вратам смерти, а ты думаешь только о своей милой подружке, бедный мой человечек… Ты совершенно прав, смерть не заслуживает ничего, кроме презрения. Она забрасывает свои гигантские сети, косит наугад, нелепая, огромная, наводящая ужас. В своем безрассудном рвении, кося направо и налево, она способна отсечь руку самой себе. Тот, кто видел, как ловко вы, люди, выходите из любого положе-

ния, как крепко сжимаете ствол пулемета или руль корабля, как умеете из всего извлечь для себя выгоду и как бьете без промаха по своему врагу, понимает, что вы куда опаснее. Бедная смерть… Меднолобая безумица. *(Садится рядом с Орфеем, несколько утомленный.)* Я хочу поверить тебе тайну, одному тебе, потому что я тебя очень люблю. У смерти только одно достоинство, но об этом никому не известно. Она добра, она ужасающе добра. Она боится слез, боится страданий. Всякий раз, когда это возможно, когда жизнь разрешает ей это, она действует быстро… Она развязывает узы, разжимает тиски, дает передышку, а вот жизнь упорствует, цепляется, точно нищенка, даже если проиграла, даже если человек не в силах больше двигаться, если он обезображен, даже если обречен на вечные муки. Только смерть настоящий друг. Одним лишь прикосновением она преображает облик чудовища, вносит умиротворение в душу отверженного, освобождает.

Орфей *(вдруг кричит).* Пусть лучше я увижу Эвридику обезображенной, страдающей, старухой!

Г- н Анри *(опускает голову, охваченный внезапной усталостью).* Да, конечно, дурачок, все вы

одинаковы.

Орфей. Хорош друг — смерть! Она похитила у меня Эвридику! От одного ее прикосновения увяла юная Эвридика, легкая Эвридика, сияющая Эвридика…

Г- н Анри *(вдруг встает, словно обессилев, отрывисто).* Она вернет ее тебе.

Орфей *(тоже встает). Когда?*

Г- н Анри. Тотчас же. Слушай меня внимательно. Счастью твоему так или иначе пришел конец. Двадцать четыре часа, один жалкий день — вот и все, что припасла жизнь, твоя обожаемая жизнь для маленького Орфея и маленькой Эвридики. Возможно, сегодня ты не оплакивал бы мертвую Эвридику, но уже оплакивал бы Эвридику ускользнувшую…

Орфей. Неправда. Она не пошла на свидание к этому человеку!

Г- н Анри. Да. Но ведь и к тебе она не вернулась. Она села в тулонский автобус, совсем одна, без денег, без чемодана. Куда бежала она? И кто она на самом деле, маленькая Эвридика, которую, по-твоему, ты любил?

Орфей. Кем бы она ни была, я все еще люблю ее. Я хочу ее увидеть. О, умоляю вас, умоляю, мсье, верните мне Эвридику, даже несовершенную.

Я хочу, чтобы мне было больно и стыдно из-за нее. Хочу снова ее потерять и снова обрести. Хочу ненавидеть ее и убаюкивать, как малое дитя. Хочу бороться, хочу страдать, хочу принять все… Хочу жить.

Г- н Анри *(раздраженно).* Ты будешь жить.

Орфей. Пусть грязь, изъяны, мучения, и пусть все начнется сначала — и стыд тоже…

Г- н Анри *(смотрит на него презрительно, но нежно шепчет).* Бедный мой человечек… *(Подходит к нему, другим тоном.)* Прощай, тебе ее возвращают. Она здесь, на перроне, на том самом месте, где ты вчера увидел ее впервые, — ждет тебя, ждет вечно. Ты помнишь условие?

Орфей *(уже устремив взгляд на дверь). Да.*

Г- н Анри. Повтори. Если ты нарушишь это условие, я уже ничего не смогу для тебя сделать.

Орфей. Я не должен смотреть ей в лицо.

Г- н Анри. Это будет нелегко.

Орфей. Если я хоть раз до наступления утра взгляну ей в лицо, я вновь ее потеряю.

Г- н Анри *(останавливается, улыбаясь).* Ты уже не спрашиваешь, ни как, ни почему, упрямая голова?

Орфей *(не сводя глаз с двери).* Нет.

Г- н Анри *(снова улыбается).* Хорошо… Прощай.

Можешь все начать сначала. Не благодари меня. До скорого свидания. *(Уходит.)*

Мгновение Орфей стоит неподвижно, потом идет к двери и открывает ее; перрон безлюден.

Орфей *(вначале не говорит ничего, потом глухо, не глядя).* Ты здесь?

Голос Эвридики. Да, любимый. Как долго ты шел.

Орфей. Мне позволили прийти за тобой… Только я не должен смотреть на тебя, пока не наступит день.

Эвридика *(появляется).* Да, любимый. Я знаю. Они мне это сказали.

Орфей берет ее за руку и ведет за собой, не глядя на нее. Они в молчании пересекают сцену, подходят к диванчику.

Орфей. Иди сюда. Здесь мы дождемся утра. На рассвете к первому поезду явятся официанты, и мы будем свободны. Мы закажем горячий кофе и что-нибудь поесть. Ты будешь живая. Тебе было не слишком холодно?

Эвридика. О да. Главное, холодно. Ужасный холод. Но мне запретили рассказывать. Я могу говорить обо всем только до того момента, когда

шофер улыбнулся в свое зеркальце и когда автоцистерна ринулась на нас, точно дикий зверь.

Орфей. Шофер повернулся, чтобы улыбнуться в зеркальце?

Эвридика. Да. Знаешь, эти парни с Юга воображают, что все женщины только на них и смотрят. А мне не хотелось, чтобы на меня смотрели.

Орфей. Он тебе улыбался?

Эвридика. Да. Я потом тебе все объясню, любимый. Он круто вывернул руль, и все пассажиры разом закричали. Я увидела, как автоцистерна подпрыгнула, а шофер уже не улыбался, лицо его исказила гримаса. Вот и все. *(Пауза. Добавляет слабым голоском.)* А дальше я не имею права…

Орфей. Тебе хорошо?

Эвридика. О да, ведь ты рядом.

Орфей. Накинь на плечи мой плащ. *(Накидывает ей на плечи плащ.)*

Пауза. Им хорошо.

Эвридика. Помнишь официанта из «Комеди Франсэз»?

Орфей. Мы увидим его завтра утром.

Эвридика. А прекрасную молчаливую кассиршу? Может быть, наконец мы узнаем, что она о нас думала. Как удобно воскреснуть… Словно

мы только что встретились. *(Спрашивает, как в первый раз.)* Добрый ты или злой, как тебя зовут?

Орфей. (улыбаясь, вступает в игру). Орфей, а тебя?

Эвридика. Эвридика… *(Потом тихо.)* Только на этот раз мы предупреждены. *(Опускает голову; после небольшой паузы.)* Прости меня. Ты, верно, так испугался…

Орфей. Да. Вначале ощущаешь рядом с собой чье-то неуловимое присутствие, чей-то неотступный взгляд, кто-то слушает, как ты разговариваешь. А потом вдруг прыгает на тебя точно зверь. И ты несешь на плечах этот груз, который становится все тяжелее, а потом он начинает шевелиться, раздирает тебе затылок, душит тебя. Смотришь на других, которые так спокойны, на других, которым не вцепился в хребет этот зверь, им но страшно, они говорят: «Да нет, все в порядке, она, верно, опоздала на трамвай, заболталась по дороге…» Но зверь теперь уже рычит, раздирает тебе лопатку. «Разве в жизни так бывает, чтобы опоздали на трамвай? Нет! Соскальзывают под колеса, сходя со ступенек; попадают под трамвай, перебегая улицу. Разве в жизни болтают по дороге с первым встречным? Нет! Людей внезапно охватывает безумие, их похищают, они

убегают…» К счастью, вошел коридорный и освободил меня от этих мук, так ясно у него на лице была написана беда. Когда я увидел тебя внизу, распростертую на грузовичке, сразу все прошло, я перестал бояться.

Эвридика. Они положили меня на грузовичок?

Орфей. На полицейский грузовичок. Уложили тебя на заднюю скамейку, один полицейский сел рядом с тобой, словно схватили воришку.

Эвридика. Я была уродливая?

Орфей. У тебя на виске застыла капелька крови. Казалось, ты спишь.

Эвридика. Сплю? Если бы ты знал, как я бежала. Я как безумная бежала все вперед и вперед. *(Замолкает. Небольшая пауза.)* Тебе, верно, было больно?

Орфей. Да.

Эвридика. Прости меня.

Орфей *(глухо).* Не надо.

Эвридика *(после паузы).* Меня принесли в гостиницу, потому что я еще сжимала в руке письмо. Я написала тебе письмо в автобусе, дожидаясь, когда он отправится. Тебе передали?

Орфей. Нет. Полиция, должно быть, оставила письмо у себя.

Эвридика. Ах так. *(С внезапным беспокой-*

ством.) Как ты думаешь, они могут его прочесть?

Орфей. Возможно.

Эвридика. А нельзя ли им помешать прочесть? Нельзя ли немедленно что-нибудь сделать? Послать туда кого-нибудь, позвонить, сказать, что они не имеют права?

Орфей. Слишком поздно.

Эвридика. Но ведь я писала это письмо тебе, ведь все это я тебе говорила. Как же можно, чтобы кто-то другой прочитал письмо? Чтобы другой шептал мои слова? Какой-нибудь толстяк с грязными мыслями, уродливый, самодовольный толстяк. Он будет смеяться, наверняка будет смеяться над моим горем… О, пожалуйста, помешай ему, помешай ему прочесть письмо, умоляю тебя! Я словно стою совсем голая перед чужим человеком…

Орфей. Может быть, они не распечатали конверт.

Эвридика. Но я ведь не успела его запечатать! Я как раз собиралась заклеить конверт, когда мы столкнулись с цистерной. Конечно, поэтому-то шофер и посмотрел на меня в зеркальце. Я высунула язык, он увидел и улыбнулся, а я тоже улыбнулась…

Орфей. Ты тоже улыбнулась. Значит, ты, ты могла улыбаться?

Эвридика. Да нет, я не могла улыбаться, ты ничего не понимаешь! Я закончила это письмо, где писала, что я тебя люблю, что мне очень больно, но что я должна уехать… Я высунула язык, чтобы лизнуть клей на конверте, шофер отпустил обычную свою шуточку… Тогда все вокруг заулыбались… *(Замолкает, упав духом.)* Ах, когда рассказываешь, все получается не так. Как трудно. Ты видишь, все слишком трудно…

Орфей *(начинает глухим голосом).* Как ты попала в тулонский автобус?

Эвридика. Я хотела убежать.

Орфей. Ты получила записку от Дюлака?

Эвридика. Да, поэтому я и уехала.

Орфей. Почему ты не показала мне записку, когда я вернулся?

Эвридика. Я не могла.

Орфей. О чем он тебе писал?

Эвридика. Чтобы я поехала с ним поездом восемь двенадцать, иначе он явится за мной сам.

Орфей. Из-за этого ты и убежала?

Эвридика. Да. Я не хотела, чтобы ты его видел.

Орфей. А ты не подумала, что он придет и что я его все равно увижу?

Эвридика. Да, но я струсила, я не хотела быть при этом.

Орфей. Ты была его любовницей?

Эвридика *(кричит).* Нет! Он так сказал тебе? Я знала, что он тебе это скажет и что ты поверишь ему! Он меня долго преследовал, он ненавидит меня. Я знала, что он будет говорить с тобой обо мне. Я боялась.

Орфей. Почему ты не призналась мне вчера, когда я просил тебя все рассказать, не призналась, что была любовницей еще и этого типа?

Эвридика. Я не была его любовницей.

Орфей. Эвридика, теперь лучше сказать все. Ничего не поделаешь, мы сидим с тобой на этом диванчике, несчастные, израненные, и разговариваем, даже не видя друг друга…

Эвридика. Что же я должна сказать, чтобы ты поверил?

Орфей. Не знаю. Понимаешь, это как раз и ужасно… Я уже не знаю, смогу ли я тебе когда-нибудь поверить… *(Пауза. Тихо, смиренно.)* Эвридика, чтобы потом я мог не беспокоиться, когда ты будешь говорить самые простые вещи, — что ты, мол, вышла, что хорошая погода, что ты пела, — скажи мне теперь правду, даже если она чудовищна, даже если она причинит мне боль.

Вряд ли это будет сильнее той боли, от которой я задыхаюсь, с тех пор как узнал, что ты мне солгала… Если слишком трудно сказать, лучше не отвечай, только не лги. Этот человек говорил правду?

Эвридика *(после едва заметной паузы)* . Нет. Он лгал.

Орфей. Ты никогда не принадлежала ему?

Эвридика. Нет.

Пауза.

Орфей *(глухо, глядя прямо перед собой).* Если ты сейчас говоришь правду, это не трудно узнать, глаза твои прозрачны, как вечерние лужицы. Если же ты лжешь или не уверена в себе, вокруг зрачка у тебя темно-зеленый ободок, и он все сжимается…

Эвридика. Скоро рассветет, любимый, и ты сможешь взглянуть на меня…

Орфей *(внезапно кричит).* Да! Заглянуть в самую глубину твоих глаз, как в воду! Окунуться в твои глаза до самого дна! И там остаться, утонуть в них…

Эвридика. Да, любимый.

Орфей. Ведь, в конце концов, немыслимо, когда двое! Две оболочки, две взаимно непроницаемые эпидермы разделяют нас. Каждый за себя, хоть

на крик кричи — у каждого свой кислород, своя собственная кровь, каждый крепко заперт, бесконечно одинок в своей шкуре. Прижимаешься друг к другу, трешься друг о друга, чтобы хоть чуть-чуть выйти из этого чудовищного одиночества. Мгновенная радость, мгновенный самообман, и снова ты одинок, со своей печенкой, со своей селезенкой, со всеми своими потрохами — вот они твои единственные друзья.

Эвридика. Замолчи!

Орфей. Потому-то люди и разговаривают. Придумали еще и такое. Воздух с шумом проходит через гортань и меж зубами. Несовершенная азбука Морзе. Два узника перестукиваются из глубины своих камер. Два узника, которые никогда не увидят друг друга. Да, мы одиноки! Тебе не кажется, что мы слишком одиноки?

Эвридика. Прижмись ко мне покрепче.

Орфей *(прижимая ее к себе).* Тепло, да. Чужое тепло. Это. все же нечто реальное. Сопротивление, преграда. Веющая теплом преграда. Ага, значит, существует кто-то еще! Я не совсем одинок. Не будем же чересчур требовательны!

Эвридика. Завтра ты сможешь обернуться. Ты поцелуешь меня.

Орфей. Да. Я на мгновение проникну в тебя.

Целую минуту я буду верить, что мы два сплетенных стебля одного корня. А потом мы разойдемся и нас снова станет двое. Две тайны, две лжи. Двое. *(Ласкает ее. Мечтательно).* А что, если бы ты однажды вдохнула меня вместе с воздухом, поглотила меня. Как было бы чудесно. Я стал бы совсем крошечным внутри тебя, мне было бы тепло, мне было бы хорошо.

Эвридика *(тихо).* Не говори больше. Не думай больше. Пусть твоя рука ласкает меня. Пусть хоть она будет счастлива. Все снова станет таким простым, если ты позволишь хотя бы своей руке любить меня. И больше не надо слов.

Орфей. Ты думаешь, это они и называют счастьем?

Эвридика. Да. Твоя рука счастлива в эту минуту. Твоя рука не требует у меня ничего, только чтобы я была рядом, покорная и теплая. И ты тоже ничего больше не требуй от меня. Мы любим друг друга, мы молоды; мы будем жить. Согласись быть счастливым, ну пожалуйста…

Орфей *(встает).* Не могу.

Эвридика. Согласись, если любишь меня…

Орфей. Не могу.

Эвридика. Тогда хоть помолчи.

Орфей. И этого тоже не могу. Не все слова еще

сказаны. А нам надо сказать все слова, все до единого. Теперь надо идти до конца, от слова к слову. А их так много, ты сама увидишь!

Эвридика. Замолчи, любимый, умоляю тебя!

Орфей. Разве ты не слышишь? Со вчерашнего дня вокруг нас кружит целый рой слов. Слова Дюлака, мои слова, твои, еще чьи-то — все слова, которые нас сюда привели. И слова всех людей, всех, кто смотрел, как нас, точно двух животных, ведут на заклание, и те слова, что не были еще произнесены, но уже здесь, привлеченные запахом других слов, самые притворные, самые пошлые, самые ненавистные. Мы их скажем, мы наверняка их скажем. Их говорят всегда.

Эвридика *(встает, кричит)* . Любимый мой!

Орфей. О нет, я не хочу больше слов! Хватит. Со вчерашнего дня слова облепили нас. Теперь я должен видеть тебя.

Эвридика *(бросается к Орфею, обхватывает его руками).* Подожди, прошу тебя, подожди. Только бы нам выбраться из ночи. Скоро утро. Подожди. Все Снова станет простым. Нам принесут кофе, тартинки…

Орфей. Слишком долго ждать утра. Слишком долго ждать, пока состаришься…

Эвридика *(держит его в объятиях; уткнувшись*

головой ему в спину, умоляет). О, пожалуйста, любимый мой, не оборачивайся, не смотри на меня… Зачем? Позволь мне жить… Ты страшен, пойми, страшен, как ангелы. Ты считаешь, что весь мир идет прямо вперед, сильный и ясный, как ты сам, разгоняя тени, притаившиеся у обочин дороги… Но ведь много и таких, у которых нет ничего, кроме совсем крошечного огонька, слабо мерцающего под бичом ветра. А тени удлиняются, теснят нас, влекут, сбивают с ног… О, пожалуйста, любимый мой, не смотри на меня, не смотри сейчас на меня. Может быть, я не такая, какой ты хотел меня видеть. Не та, которую ты выдумал в первый день нашего счастья… Но ты ведь чувствуешь, что я рядом с тобой, не правда ли? Я здесь, совсем близко, это мое тепло, моя нежность, моя любовь. Я дам тебе все радости, какие могу тебе дать. По не требуй у меня большего, чем я могу, довольствуйся этим… Не смотри на меня. Позволь мне жить… Ну послушай, прошу тебя… Я так хочу жить…

Орфей *(кричит).* Жить, жить! Может быть, так, как твоя мать и ее любовник, с умильным сюсюканьем, с улыбочками, с уступками друг другу, со вкусной, сытной едой, после которой занимаются любовью и все улаживается. О, нет! Я слишком

тебя люблю для такой жизни! *(Оборачивается, смотрит на нее.)*

Теперь они стоят лицом к лицу, разделенные ужасающей тишиной.

(*Наконец глухо.)* Этот толстяк обнимал тебя? Он касался тебя своими руками в кольцах?

Эвридика. Да.

Орфей. Давно ты его любовница?

Эвридика *(теперь отвечает с такой же жаждой самобичевания)* . Уже год.

Орфей. Правда, что ты была с ним позавчера?

Эвридика. Да, накануне того дня, когда я тебя встретила, он пришел ко мне вечером после спектакля. Он меня шантажировал. Он все время меня шантажировал.

Дюлак *(входит внезапно).* Признайся, что в тот день ты охотно уступила мне, маленькая лгунья.

Эвридика *(вырываясь из объятий Орфея, бежит к нему).* Охотно? Охотно? Я плевалась каждый раз, как ты меня целовал.

Дюлак *(спокойно).* Верно, голубка.

Эвридика. А как только ты уходил, я убегала, раздевалась догола, мылась, меняла белье. Разве ты не догадывался об этом?

Дюлак *(Орфею).* Вот дуреха!

Эвридика. Смейся, смейся, но я тебя знаю, тебе вовсе не хочется смеяться.

Орфей. Почему ты на «ты» с этим человеком?

Эвридика *(невольно вскрикивает).* Но я с ним не на «ты»!

Дюлак *(насмешливо, Орфею).* Вы видите? И все прочее в том же духе, милый юноша! Говорю вам, вы заблуждаетесь.

Эвридика. Не разыгрывай фанфарона, не такой уж ты победитель… *(Орфею.)* Прости, мой любимый, но в театре все говорят друг другу «ты». Венсан говорит ему «ты», мама говорит ему «ты», поэтому я и сказала, что я с ним не на «ты». Я с ним на «ты» не потому, что была его любовницей. А потому, что все с ним на «ты». *(Замолкает, упав духом.)* Ах, как трудно, как трудно всегда все объяснять!..

Орфей. И все-таки ты должна теперь все объяснить. Ты сказала, что в этот вечер он, как и обычно, тебя шантажировал. Чем же он тебя шантажировал?

Эвридика. Вечно одним и тем же.

Дюлак. Ну вот, теперь ты станешь сочинять, что целый год верила в этот шантаж, маленькая лгунья?

Эвридика. Видишь, ты сам признаешься, что

целый год меня шантажировал!

Дюлак. Не прикидывайся дурой, Эвридика, ты ведь вовсе не глупа. Я тебя спрашиваю, неужели ты сама целый год верила в это?

Эвридика. Но тогда зачем же ты каждый раз угрожал, если думал, что я не верю?

Дюлак. Угроза стала простой условностью. Я делал это ради тебя, маленькая дрянная гордячка, чтобы у тебя было оправдание, будто ты вынуждена подчиняться, и ты могла не признаваться самой себе, что получаешь удовольствие. Вот что значит быть галантным с дамами.

Эвридика. Вот как — ты угрожал мне, а сам не верил в то, что говорил? Ты каждый раз обманывал меня? Каждый раз принуждал, а это была неправда, ты его не прогнал бы на самом деле?

Дюлак. Конечно, нет, дуреха.

Орфей. Чем он тебе угрожал?

Появляется молоденький администратор, хилый, нескладный .

Администратор *(прежде чем заговорить, снимает свою крошечную шляпу).* Он каждый раз угрожал ей, мсье, что прогонит меня с места.

Дюлак *(при виде его взрывается).* Да это же кретин! Вечно все теряет! Я не желаю держать у

себя в труппе такого кретина!

Эвридика. Понимаешь, любимый, мальчуган совсем один на свете. У него десятилетний брат; они вдвоем живут на его заработок… И потом, это так несправедливо — все его ненавидят, только и думают, как бы выгнать его.

Администратор. Понимаете, мсье, на мне все чемоданы, все декорации, а я совсем один. *(Без сил опускается на диванчик, плачет.)* У меня никогда ничего не получится! Никогда не получится!

Дюлак. Э то же болван, говорю вам, болван!

Эвридика. Ты превратил его в болвана, оттого что вечно кричишь у него над ухом. Я уверена, что если бы с ним говорили тихо, он бы все понял. Послушай меня, миленький Луи…

Администратор. Я слушаю, Эвридика…

Эвридика *(Орфею).* Видишь, и ему тоже я говорю «ты». Все говорят друг другу «ты». *(Снова обращается к юноше.)* Послушай, Луи, миленький, это же очень просто. Ты приезжаешь на пересадочную станцию. Быстро выходишь на платформу. Бежишь к багажному вагону. Поэтому всегда старайся сесть в самый хвост, чтобы поспеть к началу разгрузки. Считаешь сундуки, чтобы убедиться, что служащие ничего не забыли…

Администратор. Да, но ведь актеры спешат поскорее попасть в город! Они бросают на меня свои чемоданы…

Эвридика. А ты им скажи, чтобы они подождали. Что сначала ты займешься багажом.

Администратор. Да, но они ставят чемоданы рядом со мной на перрон, говорят, чтобы я следил, и уходят. А по перрону все время снует народ…

Эвридика. Не позволяй им уйти! Беги за ними следом!

Администратор. Но если я побегу за ними, я прозеваю, когда начнут выгружать багаж! Нет, у меня никогда ничего не получится; говорю тебе, не получится! Лучше уж оставь меня…

Дюлак *(взрывается).* Он идиот! Говорю вам, это идиот! На сей раз кончено. Дело решенное. Яснее ясного. В Шательро я его выставлю!

Эвридика. Да не кричи ты все время, слышишь! Как же он может понять, когда ты кричишь?

Дюлак. Никогда он ничего не поймет! Говорю тебе, это ничтожество! В Шательро получишь расчет, чертов осел!

Администратор. Мсье Дюлак, если вы меня выгоните, мне некуда будет деваться. Мы оба погибнем, я и мой братишка… Клянусь вам, я буду внимательным, мсье Дюлак!

Дюлак. Расчет! Расчет! Я уже сказал!

Эвридика. Я ему помогу! Обещаю тебе, я добьюсь, чтобы он больше никогда ничего не терял…

Дюлак. Знаю я эти обещания! Нет-нет, он просто ротозей. Я его выгоню, вышвырну! Не желаю его больше терпеть!

Эвридика *(цепляясь за него, умоляюще).* Клянусь тебе, он будет внимателен. Поверь мне, Дюлак, клянусь тебе…

Дюлак *(смотрит на нее).* Ты вечно клянешься, но не всегда держишь обещания.

Эвридика *(еще тише).* Если…

Дюлак *(наклоняясь к ней, вполголоса)* Если я на этот раз не прогоню его, ты будешь милой?

Эвридика *(опуская глаза).* Да. *(Возвращается к Орфею.)* Вот так это происходило каждый раз… Прости, любимый! Я была малодушна, но тогда я еще не любила тебя. Никого не любила. А кроме меня, некому было его защитить. *(Пауза; шепчет.)* Я прекрасно понимаю, что теперь ты уже не сможешь смотреть на меня…

Орфей *(отступая, глухо).* Я всегда буду видеть на тебе руки этого человека. Буду видеть тебя такой, какой он описал тогда, в нашем номере.

Эвридика *(смиренно).* Да, мой любимый.

Орфей. Его даже не мучила ревность, когда он пришел за тобой. Он посмеивался: «Такой девушке, как Эвридика, надо прощать ее маленькие капризы».

Эвридика *(чуть отступая).* Он так и сказал тебе?

Орфей. «Какая она, ваша Эвридика? По утрам ее надо вытаскивать из кровати, отрывать от детективных романов, от сигарет?» Он знал и то, что ты малодушна. Что если он явится за тобой, ты со мной не останешься. Ты ведь малодушна, да? Он знает тебя лучше, чем я?

Эвридика. Да, любимый.

Орфей. Но ты хоть защищайся! Почему ты не защищаешься?

Эвридика *(отступая).* Как, по-твоему, мне защищаться? Лгать? Я такая ужасная, это правда, ленивая, малодушная.

Администратор *(вдруг кричит).* Неправда!

Эвридика. Что ты в этом понимаешь, миленький Луи?

Администратор. Ты не малодушная, ведь ты защищала меня против всех них. Я-то знаю это. Ты не ленивая, ведь ты поднималась в шесть часов утра и тайком помогала мне, пока не встанут остальные…

Дюлак *(пораженный до глубины души).* Как? Ты вставала утром, чтобы помочь этому болвану отправить багаж?

Эвридика. Да, Дюлак.

Администратор. Она, которая никогда ничего не может найти и все путает, помогала мне разбираться в моих записях, чтобы не было ошибки…

Дюлак. Вот уж не ожидал!

Орфей. Но если этот мальчуган сказал правду, говори и ты! Защищайся же!

Эвридика *(тихо).* Он сказал правду, но и Дюлак тоже сказал правду. Это слишком трудно.

В то время, как Орфей говорит, появляются все действующие лица пьесы. Они толпятся в глубине сцены, в темноте, позади Эвридики.

Орфей. Это правда. Слишком трудно. Все люди, которые тебя знали, окружают тебя; все руки, которые к тебе прикасались, ползают по тебе. И все слова, которые ты говорила, у тебя на губах…

Эвридика *(еще немного отступает, с жалкой улыбкой).* Теперь ты сам видишь, мне лучше остаться там.

Шофер *(отделяется от группы и подходит к ним).* Разве вы не понимаете, что девчонка устала? И что ей, в конце концов, стыдно все время

защищаться? Я охотник; так вот, есть такие зверьки, они сдаются от усталости, от отвращения. Поворачиваются к собакам, дают себя схватить. Вот так же ее рассказ про автобус… я слышал, как она тут совсем запуталась…

Орфей. Кто вы такой?

Эвридика. Шофер автобуса, любимый мой. Вы очень любезны, что пришли, мсье.

Шофер. Он вообразил, что вы улыбались мне. Да разве у меня такая физиономия, чтобы эта малютка стала рассыпать мне улыбки? Он вообразил, что вы уехали от него с улыбкой на губах. Не мудрено, что в его состоянии он сразу и подумал, будто вы его не любите. Но я-то, я ведь был при этом. Я ее видел.

Администратор. О, я рад, он защитит тебя. Вы расскажете ему, правда, мсье?

Шофер. Конечно, расскажу! Для этого я сюда и пришел.

Орфей. Что вы собираетесь рассказать мне?

Шофер. Почему она улыбнулась. Я наблюдал за ней краешком глаза… Она писала, писала и все время плакала. Когда она кончила писать, она вытерла глаза уголком платка, скомканного в кулаке, и высунула язык, чтобы заклеить конверт… Тогда я сказал ей, просто чтобы что-то

сказать: «Надеюсь, он хоть стоит того, тот, кому вы пишете!»

Эвридика. Тогда я улыбнулась, потому что подумала о тебе, любимый.

Шофер. Вот оно как.

Пауза.

Орфей (поднимает голову, смотрит на Эвридику, которая стоит перед ним, полная смирения). Если ты любила меня, почему же ты уехала?

Эвридика. Я думала, что никогда не сумею…

Орфей. Чего не сумеешь?

Эвридика. Объяснить так, чтобы ты понял.

Они молча стоят лицом к лицу.

Мать *(вдруг восклицает).* А я вот никак не могу понять, почему этим детям все кажется таким грустным! В конце концов, мой котик, и мы тоже были страстными любовниками, разве мы из-за этого грустили?

Венсан. Да вовсе нет! Вовсе нет! Взять хоть меня, я всегда говорил: немножко любви, немножко денег, немножко успеха, и жизнь прекрасна!

Мать. Немножко любви? Море любви! Девочка вообразила, что это она со своим скрипачом изобрела любовь. Ведь мы тоже обожали друг

друга. И мы тоже хотели покончить с собой друг из-за друга. Ты помнишь, как в тысяча девятьсот тринадцатом в Биаррице я хотела броситься со скалы Девы?

Венсан. К счастью, я удержал тебя за тальму, любовь моя!

Мать *(при этом воспоминании вскрикивает; начинает объяснять Орфею).* Ах, это было прелестно. В тот год носили отделанные шелковым шнуром крохотные тальмы, из того же сукна, что и жакетки. А почему в тот раз я хотела покончить с собой?

Венсан. Потому что княгиня Боско продержала меня у себя всю ночь, заставляя читать стихи…

Мать. Да нет! Княгиня Боско — это в тот раз, когда я хотела выпить уксус. Я ошиблась бутылкой. И выпила вино. Ну и гримасу я состроила!

Венсан. Все это вздор! Это было в тот день, когда ты брала урок на коньках.

Мать. Да нет, история с тем учителем произошла во время войны в Лозане. Нет. Нет. В тот день, когда мы были на скале Девы, это ты мне изменил, я совершенно уверена. Впрочем, подробности не важны. Важно одно, мы тоже страстно любили друг друга, готовы были из-за этого умереть… И что же, разве мы умерли?

Эвридика *(отступая).* Нет, мама.

Мать. Вот видишь, глупышка, если бы ты слушалась свою мать! Но ты никогда меня не слушаешь…

Эвридика *(отстраняя ее).* Теперь оставь нас, мама, у нас нет больше времени… *(Орфею, который, стоя неподвижно, смотрит, как она отступает все дальше.)* Видишь, любимый, мы не должны чересчур роптать… Ты был прав, если бы мы захотели быть счастливыми, мы, возможно, стали бы такими же, как они… Какой ужас!

Мать. То есть как это — ужас?

Венсан. Почему это — ужас?

Орфей. Отчего ты не призналась мне во всем в первый же день? В первый день я, может быть, понял бы…

Эвридика. Ты думаешь, из-за того, что я малодушна? Нет. Совсем не из-за того, что я малодушна…

Орфей , Из-за чего же тогда, из-за чего?

Эвридика. Это слишком трудно объяснить, любимый, я опять запутаюсь. И потом, у меня нет времени. Прости меня. Не двигайся… *(Снова отступает, останавливается перед одним из действующих лиц)* О, это вы, прекрасная кассирша, вы все время молчали. А мне казалось, что вы

хотели нам что-то сказать.

Кассирша. Как вы оба были прекрасны, когда устремились друг к другу при этой музыке! Вы были прекрасны, невинны и страшны, как сама любовь…

Эвридика *(улыбается ей и отступает еще дальше).* Спасибо, мадам. *(Останавливается перед другим персонажем.)* Вот как, официант из «Комеди Франсэз». Первое наше действующее лицо. Здравствуйте!

Официант *(раскланиваясь с преувеличенным благородством)* . Прощайте, мадемуазель!

Эвридика (улыбаясь против воли). Да, да, вы очень благородны, очень милы. Здравствуйте, здравствуйте… *(Еще немного отступает. Останавливается перед молодым человеком в черном, которого с удивлением рассматривает.)* Но кто же вы, мсье? Вы, верно, ошиблись, я вас не помню.

Молодой человек. Я секретарь комиссариата полиции, мадемуазель. Вы меня никогда не видели.

Эвридика. Ах, так, значит, это у вас мое письмо. Пожалуйста, верните его мне, мсье. Верните…

Молодой человек. Увы, это не в моих силах, мадемуазель.

Эвридика. Я не хочу, чтобы этот противный, самодовольный толстяк читал его!

Молодой человек. Обещаю вам, мадемуазель, что господин комиссар не прочтет его. Я тоже сразу почувствовал, что такой человек, как господин комиссар, не должен читать это письмо. Я изъял его из папки. Дело закончено, никто этого никогда не заметит. Оно здесь, у меня. Я каждый день его перечитываю. Но я — это совсем другое дело... *(Кланяется, печальный и благородный, вытаскивает из кармана письмо, надевает пенсне и, расхаживая, начинает читать его бесцветным голосом.)* «Мой любимый, я сижу в этом автобусе, а ты ждешь меня в номере, а я знаю, что не вернусь. И хотя я стараюсь думать, что ты еще об этом не знаешь, мне грустно, грустно за тебя. Если бы я одна могла взять на себя все горе. Но как? Даже когда горе переполняет тебя, так переполняет, что кусаешь губы, чтобы оно не вылилось в жалобах, так переполняет, что слезы сами льются из глаз, — все равно нельзя взять на себя все горе: его всегда хватит на двоих. Люди, сидящие в автобусе, смотрят на меня. Видя мои слезы, они думают, что мне грустно. Ненавижу слезы. Плакать слишком глупо. Ведь когда ударишься, тоже плачешь или когда чистишь

луковицу. Плачут, когда обижены или случилось еще какое-нибудь горе. Но мое теперешнее горе мне не хотелось бы оплакивать. Слишком мне грустно, чтобы плакать. *(Голос его крепнет; переворачивает страницу и продолжает.)* Я ухожу, любимый мой. Мне стало страшно еще вчера, и ты сам слышал, во сне я сказала: „Как трудно“. Я казалась тебе такой прекрасной, любимый мой. Я хочу сказать, прекрасной нравственно, ведь я отлично знаю, что внешне ты никогда не считал меня очень красивой. Я казалась тебе сильной, чистой, настоящей твоей сестренкой… Я никогда бы не сумела стать такой. А сейчас тем более, ведь тот, другой, придет с минуты на минуту. Он передал мне письмо. Тот, о котором я тебе не рассказала, он тоже был моим любовником. Не думай, что я любила его; ты его увидишь, его нельзя любить. Не думай также, что я уступила ему, потому что боялась, он, верно, так тебе и скажет. Ты не сможешь понять, я это знаю. Но я чувствовала себя сильной и потом так мало уважала себя. Я тебя еще не любила, мой любимый, вот и весь секрет. Я тебя не любила. Не знала. Стыдливость добропорядочных девиц казалась мне смешной. Как это отвратительно — стараться сохранить что-то из гордыни или для избранного

покупателя… Со вчерашнего дня, любимый, я стала целомудреннее их. Со вчерашнего дня я краснею, когда на меня смотрят, я вздрагиваю, когда ко мне прикасаются. Я плачу при мысли, что кто-то осмеливается меня желать… Вот поэтому я и ухожу, любимый мой, ухожу одна… Не только потому, что боюсь, как бы он не рассказал тебе, что был со мною близок, не только потому, что боюсь, как бы ты но перестал меня любить… Но знаю, поймешь ли ты меня, я ухожу потому, что сгораю от стыда. Я ухожу, мой капитан, ведь вы объяснили мне, что я могу быть хорошим солдатом, поэтому-то я и ухожу…».

Во время чтения этого письма Эвридика все отступала. Теперь она в глубине сцены.

Орфей. Прости, Эвридика.

Эвридика *(ласково, из глубины сцены).* Не надо, мой любимый, это ты прости меня. *(Остальным.)* Извините меня, я должна уйти.

Орфей (кричит). Эвридика! (Как безумный бросается к ней.)

Она исчезла. Все другие действующие лица тоже исчезли. Орфей остается один. Он стоит неподвижно. Занимается утро. Вдали гудок паровоза. Дребезжание звонка. Когда дневной свет уже

начинает пробиваться, входит официант, вид у него оживленный.

Официант. Добрый день, мсье. Утро сегодня не жаркое. Что прикажете подать?

Орфей *(без сил опускается на стул).* Что хотите. Чашку кофе.

Официант. Хорошо, мсье. *(Начинает снимать со столов стулья.)*

Входит кассирша и идет к своей пассе, напевая сентиментальную песенку довоенных лет. По перрону проходит пассажир, с минуту колеблется, потом робко входит в зал. Он нагружен чемоданами, музыкальными инструментами. Это отец Орфея.

Отец. Ты здесь, сынок? Знаешь, я не сел в тот поезд на Палавас. Он был полон. Переполнен, мой дорогой. А эти скоты требовали, чтобы я доплатил за второй класс. Я сошел. Я буду жаловаться Компании. Пассажир имеет право на сидячее место в любом классе. Они должны были бесплатно посадить меня в другой класс. Ты пьешь кофе?

Орфей *(словно не замечая его).* Да.

Отец *(усаживаясь рядом с ним).* Я тоже выпью чашечку. Я провел всю ночь в зале ожидания. Там было не очень-то тепло. *(Шепчет ему на ухо.)* По

правде говоря, я пробрался в зал ожидания первого класса. Там великолепные кожаные диваны, дружок, я спал, как принц. *(Видит кассиршу, разглядывает ее; она отводит глаза, он тоже.)* Знаешь, при свете дня эта бабенка сильно проигрывает. Груди у нее роскошные, но чересчур уж вульгарна… Так что же ты решил, сынок? Утро вечера мудренее. Все-таки поедешь со мной?

Орфей. Да, папа.

Отец. Я был уверен, что ты не бросишь старика отца! Давай отпразднуем это, позавтракаем как следует в Перпиньяне. Представь себе, дружок, я как раз знаю там маленький дешевый ресторанчик, где можно поесть за пятнадцать франков семьдесят пять сантимов, включая вино, кофе и рюмку коньяка. Да, дружок, великолепного коньяка! А если заплатить еще четыре франка, получишь на закуску омара. Жизнь прекрасна, что там ни говори, сынок, жизнь прекрасна…

Орфей. Да, папа.

Занавес

Действие четвертое

Номер в гостинице. Орфей съежился на кровати. Г-н Анри стоит рядом, прислонившись к стене. Отец удобно расположился в единственном кресле. Он курит огромную сигару.

Отец *(г-ну Анри).* Это «мервелитас»?

Г- н Анри. Да.

Отец. Такая сигара ведь недешево стоит, а?

Г- н Анри. Да.

Отец. А сами вы не курите?

Г- н Анри. Нет.

Отец. Не понимаю, раз вы сами не курите, почему у вас при себе такие дорогие сигары. Может быть, вы коммивояжер?

Г- н Анри. Вот именно.

Отец. У вас, верно, крупные дела?

Г- н Анри. Да.

Отец. Тогда понятно. Нужно умаслить клиента. В подходящий момент вынуть из кармана «мервелитас». Курите? Тот сразу обрадуется: да-да, конечно! И гоп! Дело на мази. Остается вычесть стоимость сигары из суммы торговой сделки, да

она, впрочем, туда уже вошла. Ну и ловкачи! Я с наслаждением занялся бы делами. А ты, сынок?

Орфей не отвечает.

(*Смотрит на него.)* Надо встряхнуться, мальчуган, надо встряхнуться. Знаете, предложите-ка и ему сигару. Если ты не докуришь, я докурю. Когда мне грустно, хорошая сигара…

Ни Орфей, ни г-н Анри не отзываются и на это замечание.

(*Вздыхает, потом более робко.)* В конце концов, у каждого свои вкусы. *(Тихонько попыхивает сигарой, бросая взгляды на молчащих Орфея и г-на Анри.)*

Г- н Анри *(тихо, после паузы).* Тебе надо встать, Орфей.

Отец. Правда ведь? Мне уже надоело без конца твердить ему это…

Орфей. Нет.

Отец. Только он никогда не слушает отца.

Г- н Анри. Тебе надо встать и снова начать жизнь с той самой минуты, на которой ты остановился, Орфей…

Отец. Нас как раз ждут в Перпиньяне.

Орфей (приподнявшись, кричит ему). Замол-

чи!

Отец *(съеживается).* Я только сказал, что нас ждут в Перпиньяне. Ничего плохого я не сказал.

Орфей. Я больше не буду с тобой ездить.

Г- н Анри *(тихо).* И все-таки твоя жизнь именно тут, она ждет тебя, как старая куртка, которую утром снова — хочешь не хочешь — надо надеть.

Орфей. Ну а я ее не надену.

Г- н Анри. Разве у тебя есть другая?

Орфей не отвечает. Отец курит.

Почему бы тебе не поехать вместе с ним? По-моему, твой отец очарователен!

Отец. Видишь, это и другие говорят…

Г- н Анри. К тому же ты его так хорошо знаешь. Это огромное преимущество. Ты можешь приказать, чтобы он замолчал, идти рядом с ним и не разговаривать. Представляешь, какая пытка ждет тебя без него? Сосед по столу поведает тебе о своих вкусах, старая дама будет ласково тебя расспрашивать. Самая последняя уличная девка и та требует, чтобы с ней побеседовали. Если ты не пожелаешь выплачивать свою дань бесполезных слов, ты окажешься в страшном одиночестве.

Орфей. Пусть я буду в одиночестве. Я привык.

Г- н Анри. Я должен предостеречь тебя от этих

слов: буду в одиночестве. Они сразу вызывают представление о тени, прохладе, отдыхе. Какое грубое заблуждение! Ты не будешь в одиночестве, человек никогда не бывает в одиночестве. Он остается сам с собой, а это совсем другое дело… Возвращайся же к своей прежней жизни вместе с отцом. Он каждый день будет разглагольствовать о трудных временах, о меню дешевых ресторанчиков. Это займет твои мысли. Ты будешь в большем одиночестве, чем если бы ты был один.

Отец *(упиваясь сигарой).* Кстати, раз уж заговорили о дешевых ресторанах, я как раз знаю один маленький ресторанчик в Перпиньяне. Ресторан «Буйон Жанн-Ашет». Может, слыхали? Его часто посещают ваши коллеги.

Г- н Анри. Нет.

Отец. За пятнадцать франков семьдесят пять сантимов, включая вино, вам подадут закуску — а если доплатите четыре франка, получите омара, — мясное блюдо с гарниром, очень обильным, овощи, сыр, десерт, фрукты или пирожное и — постойте-постойте — еще кофе, и потом рюмочку коньяка или сладкого ликера для дам. Да если к такому обеду в «Жанн-Ашет» добавить хорошую сигару, вроде этой!.. Я даже жалею, что сразу ее выкурил. *(Его реплика не дает ожидаемого ре-*

зультата; вздыхает.) Ну как? Едем в Перпиньян, сынок, я тебя приглашаю?

Орфей. Нет, папа.

Отец. Ты неправ, сынок, неправ.

Г- н Анри. Верно, Орфей. Ты неправ. Послушайся своего отца. Именно в ресторане «Буйон Жанн-Ашет» ты скорее всего забудешь Эвридику.

Отец. О, я вовсе не говорю, что там устраивают какие-то пиршества. Но, в конце концов, там хорошо кормят.

Г- н Анри. Единственное место в мире, где нет призрака Эвридики, — это ресторан «Буйон Жанн-Ашет» в Перпиньяне. Ты должен мчаться туда, Орфей.

Орфей. Вы в самом деле думаете, что я хочу ее забыть?

Г- н Анри. *(хлопает его по плечу).* Придется, дружок. И как можно скорее. Ты был героем в течение целого дня. За эти несколько часов ты истратил весь запас высоких чувств, который был тебе отпущен в жизни. Теперь все кончено, ты спокоен. Забудь, Орфей, забудь даже самое имя Эвридики. Возьми отца под руку, возвращайся в его рестораны. Возможно, жизнь вновь станет для тебя приемлемой, смерть сведется к обычному проценту случайностей, отчаяние примет терпи-

мую форму. Ну же, вставай, иди за отцом. *(Более резко, склонившись над Орфеем.)* Ты еще можешь пожить в свое удовольствие на этом свете.

Тот поднимает голову и смотрит на него.

Отец *(после паузы, наслаждаясь сигарой).* Ты знаешь, я ведь тоже любил, сынок.

Г- н Анри. Ты видишь, он тоже любил. Взгляни на него.

Отец. Да-да, взгляни на меня, я хорошо знаю, как это грустно, я тоже страдал. Я уж не говорю о твоей матери; к тому времени, как она умерла, мы давно разлюбили друг друга. Я потерял женщину, которую обожал, тулузка, пылкое создание. Угасла за какую-нибудь неделю. Бронхит. Я рыдал как безумный, следуя за ее гробом. Меня пришлось увести в соседнее кафе. Взгляни на меня.

Г- н Анри. *(тихо).* Да-да, взгляни на него.

Отец. Что тут говорить. Когда я случайно захожу в «Гран Контуар Тулузэн», где мы бывали вдвоем, и разворачиваю салфетку, сердце у меня екает. Но довольно! Жизнь идет своим чередом. Что поделаешь? Ее надо как-то прожить! *(Мечтательно затягивается сигарой; вздыхает, шепчет.)* И все же «Гран Контуар Тулузэн»… где я бывал с ней… Подумай только, как там кор-

мили до войны, за один франк семьдесят пять сантимов!

Г- н Анри *(склонившись над Орфеем).* Жизнь идет. Жизнь идет, Орфей. Послушай отца.

Отец *(которого слова г-на Анри поднимают в собственных глазах).* Может, я покажусь тебе черствым, мой мальчик, и ты будешь возмущен, но ведь я очерствел больше тебя; вот доживешь до моих лет и признаешь, что я был прав. Вначале испытываешь боль. Это само собой. Но вскоре, вот увидишь, против своей воли снова начинаешь чувствовать сладость жизни… В одно прекрасное утро, да, помню, это было именно, утром, умываешься, повязываешь галстук, день солнечный, ты вышел на улицу, и вдруг — пфф! — замечаешь, что женщины снова стали хорошенькими. Да, мы чудовища, дорогой мой, все мы одинаковы, все негодяи.

Г- н Анри. Слушай внимательно, Орфей…

Отец. Я не скажу, что сразу начинаешь зубоскалить с первой встречной. Нет. Мы ведь не скоты какие-нибудь, вначале даже и говорить-то чудно. Но удивительно, хочешь не хочешь, обязательно расскажешь ей о той, прежней. Говоришь, каким одиноким себя чувствуешь, растерянным. Да ведь так оно и есть! Это не притворство. Но ты

и представить себе не можешь, дружок, как эти рассказы смягчают женское сердце! Знаю-знаю, вы, верно, скажете, что я просто разбойник. Я пользовался этим приемом целых десять лет.

Орфей. Замолчи, папа.

Г- н Анри. Почему он должен замолчать? Он говорит с тобой так, как будет говорить с тобой жизнь тысячью уст; он говорит тебе то, что завтра ты прочтешь во всех взглядах, когда встанешь и снова попытаешься жить…

Отец *(который теперь дает себе волю).* Жизнь! Да жизнь великолепна, дружок…

Г- н Анри. Слушай внимательно.

Отец. Ты все-таки не забывай, что ты еще мальчишка и у тебя нет жизненного опыта, а тот, кто говорит с тобой, пошил и чертовски пожил. Ох, и отчаянные же мы были в Ньортском музыкальном училище! Хваты, да и только! Золотая молодежь. В руках тросточка, в зубах трубка, готовы на любую проделку. В то время я еще и не помышлял об арфе. Брал уроки фагота и английского рожка. Каждый вечер я пешком делал семь километров, чтобы играть под окнами одной дамы. Ну и молодцы мы были, просто одержимые, чего только не придумывали. Ничто нас не останавливало. Однажды наш класс деревянных

инструментов бросил вызов духовым. Мы держали пари, что выпьем тридцать кружек пива. Ох, как же нас потом выворачивало! Да чего там, мы были молодые, веселые. Уж мы-то знали толк в жизни!

Г- н Анри. Вот видишь, Орфей.

Отец. Когда ты здоров, силен и в тебе есть искорка, надо, дружок, идти вперед не сворачивая. Не понимаю я тебя, дорогой мой. Самое главное — хорошее настроение. А хорошее настроение зависит от душевного равновесия. Тут единственный секрет — ежедневная гимнастика. Если я еще в форме, так это потому, что никогда не бросал гимнастики. Десять минут каждое утро. Больше от тебя не требуется, но десять минут — закон. *(Встает и с окурком сигары в зубах начинает смешно и нелепо делать шведскую гимнастику.)* Раз, два, три, четыре; раз, два, три, четыре. Дышите глубже. Раз, два, три, четыре, пять. Раз, два, три, четыре, пять. Раз, два. Раз, два. Раз, два. Раз, два. Раз, два. Гарантия, что у вас никогда не будет живота, не будет расширения вен. Здоровье через веселье, веселье через здоровье, и наоборот. Раз, два, три, четыре. Дышите глубже! Раз, два, три, четыре. Вот и весь мой секрет.

Г- н Анри. Ты видишь, Орфей, как это просто!

Отец *(сел, отдуваясь, как тюлень).* Вопрос воли, и только. Все в жизни вопрос воли. Именно воля помогла мне пройти через самые трудные испытания. Железная воля! Но, разумеется, важно и обхождение… Я всегда слыл человеком в высшей степени любезным. Бархат, но под ним сталь. Я шел напролом. Не признавал препятствий. Ненасытное честолюбие. Жажда золота, власти. Но, замечу, у меня была великолепная специальная подготовка. Первая премия по классу фагота Ньортского музыкального училища. Вторая премия по классу английского рожка, второй похвальный лист по гармонии. Я мог смело шагать по жизни, у меня был багаж. Видите ли, дорогой мсье, я люблю честолюбивую молодежь! В конце-то концов, черт побери, неужели тебе так уж неприятно было бы стать миллионером?

Г- н Анри. Отвечай же отцу, Орфей…

Отец. Ох деньги, деньги! Но ничего не поделаешь, в них вся наша жизнь, дружок. У тебя горе, но ты ведь молод. Подумай, ты можешь стать богатым. Роскошь, изящество, хороший стол, женщины. Помечтай о женщинах, сынок, помечтай о любви! Брюнетки, блондинки, рыжие, крашеные. Что за разнообразие, что за выбор! И все для тебя. Ты султан, ты прохаживаешься меж-

ду ними, поднимаешь палец. Вот эта! Ты богат, молод, красив, она бежит к тебе. И потом безумные ночи… Страсть, крики, укусы, сумасшедшие поцелуи, пламя и мрак, нечто испанское. Или закроешься между пятью и семью в будуаре, на диване, среди груды светлых мехов, горящий камин, отблески пламени на обнаженном теле белокурой порочной девочки, и еще другие забавы, резвые, терпкие. Нет нужды рассказывать тебе об этом подробно, дорогой мой! Острые ощущения. Все виды ощущений, целый мир ощущений. Где твое горе? Испарилось. *(Важно,* с *широким жестом.)* Но жизнь этим не ограничивается. А достойное положение в обществе, а карьера! Ты силен, могуществен, ты промышленный магнат. Ты бросил музыку… Суровое, непроницаемое лицо… Административные советы, хитрые бестии, здесь решаются судьбы европейской экономики. Но ты их всех обводишь вокруг пальца. А потом забастовка, вооруженные рабочие, ярость толпы. Ты появляешься один у ворот завода. Выстрел, промахнулись. А ты даже не дрогнул. Ты говоришь с ними, и в твоем голосе металл. Они ожидали от тебя обещаний, уступок. Они плохо тебя знают. Ты грозен. Твои слова бичуют их. Они опускают головы, они берутся за работу. Укро-

щенные! Великолепно… Тогда, по совету лучших своих друзей, ты пускаешься в политику. Всеми уважаемый, могущественный, увешанный орденами сенатор. Всегда на линии огня. Великий пример великого француза. Похороны, национальный траур, цветы, море цветов, барабаны, обвитые крепом, надгробные речи. И я скромно, в уголке, — настояли, чтобы я присутствовал на церемонии, — красивый старик, да, увы, дорогой мой, я весь побелел! — но я превозмогаю свою печаль, обнажив голову. *(Декламирует.)* «Склоним же почтительно головы перед скорбью отца!» *(Это слишком красиво, и он не выдерживает.)* Ах, мой друг, мой друг, жизнь так прекрасна!..

Г- н Анри. Видишь, Орфей.

Отец. Человек, говорящий с тобой, тоже страдал! Он испил горькую чашу до дна. Как часто он молча кусал губы до крови, лишь бы не закричать. Его друзья по пирушкам и не подозревали о тех муках, которые он испытывал порой, а меж тем… Предательство, пренебрежение, несправедливость. Дитя, ты видишь, стан мой согбен, волосы мои преждевременно поседели. Если бы ты знал, каким тяжким бременем ложится жизнь на плечи человека… *(Тщетно пытается затянуться сигарой; раздосадованно смотрит*

на окурок и со вздохом бросает.)

Г- н Анри *(подходит к нему и протягивает портсигар)* . Еще сигару?

Отец. Спасибо. Мне, право, неловко. Да-да, неловко. Какой букет! А до чего красивая бандероль! Скажите, дорогой мой, вы слышали, что девочки, которые делают сигары, свертывают их на своем голом бедре? *(Вдыхает аромат сигары.)* На голом бедре... *(Запнувшись.)* О чем это я говорил?

Г- н Анри. О бремени жизни...

Отец *(уже утративший свой лирический пыл)* . Как так — о бремени жизни?

Г- н Анри. Если бы ты знал, каким тяжким бременем ложится жизнь на плечи человека...

Отец *(откусывая кончик сигары).* Да, верно! Если бы ты знал, мальчик, каким тяжким бременем ложится жизнь на плечи человека... *(Замолкает, долго раскуривает сигару; наконец совсем просто.)* Это слишком тяжело, сынок, чрезвычайно тяжело. *(Глубоко затягивается, священнодействуя.)* Чудесно! *(Подмигивает г-ну Анри.)* У меня такое чувство, точно я курю голое бедро. *(Хочет засмеяться, но поперхнулся дымом.)*

Г- н Анри *(подходит к Орфею).* Ты выслушал своего отца, Орфей? Отцов всегда надо слушать.

Отцы всегда правы.

Орфей поднимает глаза, смотрит на него.

(*Улыбается, тихо.)* Даже глупые, Орфей. Так уж устроена жизнь, что глупые отцы знают о ней столько же, а порой даже больше, чем умные. Жизнь не нуждается в умниках. Даже наоборот, именно умники больше всего мешают ее победному шествию.

Орфей *(шепчет).* Жизнь…

Г- н Анри. Не суди о ней плохо. Вчера вечером ты защищал ее.

Орфей. Вчера, как это давно!

Г- н Анри. *(тихо).* Ведь я говорил, что жизнь заставит тебя потерять Эвридику.

Орфей. Не обвиняйте жизнь… «Жизнь», что это, в сущности, значит? Это я, я сам.

Г- н Анри. *(улыбаясь).* Ты сам. Экая гордыня.

Орфей. Да-да… именно моя гордость.

Г- н Анри. Твоя гордость! Вот как, бедный мой человечек! Ты хочешь, чтобы и гордость тоже принадлежала тебе? Твоя любовь, твоя гордость, а теперь, конечно, твое отчаяние. Чуть что, вас так и тянет к притяжательному местоимению! Удивительное дело! Почему не сказать тогда — мой кислород, мой азот! Надо говорить — Гордость,

Любовь, Отчаяние. Это названия рек, бедный мой человечек. От них отделяется ручеек и орошает тебя, так же как тысячи других людей. Вот и все. Река Гордость не принадлежит тебе.

Орфей. Так же как река Ревность, я знаю. И горе, которое затопило меня, вытекает, разумеется, из той же самой реки Горе, которая затопляет в эту минуту миллионы других людей. Та же ледяная вода, тот же безымянный поток, ну и что же? Я не из числа тех, кто утешает себя в несчастье словами «такова жизнь». Чем, по-вашему, поможет мне сознание, что жизнь такова?… Что одновременно со мной растоптаны еще миллионы песчинок?

Г- н Анри. Как говорится, это твои братья.

Орфей. Я их всех ненавижу, всех до одного… Пусть не пытаются впредь меня растрогать, пусть не изображают толпу, как мою страждущую сестру. Человек одинок. Ужасно одинок. И это единственная неоспоримая вещь.

Г- н Анри *(склоняется к нему).* Но ты одинок потому, что потерял Эвридику. А хочешь знать, что припасла для тебя жизнь, твоя обожаемая жизнь? В один прекрасный день ты почувствовал бы себя одиноким рядом с живой Эвридикой.

Орфей. Нет.

Г- н Анри. Да. Сегодня или завтра, через год,

через пять лет, через десять лет, если тебе угодно — может быть, все еще продолжая ее любить, ты заметил бы, что не желаешь больше Эвридики и что Эвридика не желает больше тебя.

Орфей. Нет.

Г- н Анри. Да. Именно так глупо все получилось бы. Ты стал бы мсье Орфеем, обманывающим Эвридику.

Орфей *(кричит).* Никогда!

Г- н Анри. Для кого ты так громко кричишь, для меня или для себя? Допустим, если тебе это больше нравится, ты стал бы мсье Орфеем, желающим обмануть Эвридику; не знаю, что лучше.

Орфей. Я всегда был бы ей верен.

Г- н Анри. Возможно, довольно долгое время. Бросая при этом боязливые взгляды на других женщин. И медленная, но неумолимая ненависть выросла бы между вами из-за всех тех девушек, к которым ты не решался подойти ради нее…

Орфей. Неправда.

Г- н Анри. Правда. И так до того дня, когда одна из этих девушек прошла бы перед тобой, юная и крепкая — ни следа печали, ни следа мысли, — совсем новая женщина для сломленного усталостью Орфея. Ты увидел бы тогда, что смерть, измена, ложь — вещи самые заурядные,

несправедливость называется иначе, верность выглядит по-другому.

Орфей. Нет. Я закрыл бы глаза. Я бежал бы.

Г- н Анри. В первый раз, может быть. Ты еще некоторое время шел бы рядом с Эвридикой, но шел как человек, мечтающий, чтобы его собака потерялась на улице. А в сотый раз, Орфей!.. *(Делает выразительный жест.)* Впрочем, может быть, Эвридика первая оставила бы тебя…

Орфей *(на этот раз жалобно).* Нет.

Г- н Анри. Почему — нет? Потому что вчера она тебя любила? Пташка, способная упорхнуть, сама не зная почему, даже если это грозит ей смертью.

Орфей. Мы не перестали бы любить друг друга, это невозможно.

Г- н Анри. Может быть, она и не перестала бы тебя любить, бедняжка. Не так-то легко перестать любить. Нежность ведь живет долго. Может быть, перед тем как пойти к любовнику, она отдавалась бы тебе с таким смирением, так ласково, что ты был бы почти счастлив. Такова правда.

Орфей. Не для нас, не для нас!

Г- н Анри. Для вас так же, как для других. Для вас еще больше, чем для других. Да вы вконец истерзали бы друг друга именно из-за вашей

нежной любви.

Орфей. Нет.

Г- н Анри. Да. Или же в один прекрасный день, усталые, улыбающиеся, вялые, вы молчаливо согласились бы отказаться от всякой патетики и стать наконец счастливыми, снисходительными друг к другу. И мы увидели бы смирившихся Орфея и Эвридику…

Орфей. Нет! Наша любовь длилась бы вечно, пока Эвридика не состарилась бы и не поседела бы рядом со мной, пока я не состарился бы рядом с ней!

Г- н Анри. Жизнь, твоя обожаемая жизнь, не позволила бы тебе дождаться этого. Она не пощадила бы любовь Орфея и Эвридики.

Орфей. Неправда.

Г- н Анри. Правда, бедный мой человечек. Все вы одинаковы. Вы одержимы жаждой вечности и зеленеете от ужаса после первого же поцелуя, смутно предчувствуя, что это долго не продлится. Клятвы иссякают быстро. Тогда вы строите себе дома, потому что камни долговечнее; вы рожаете ребенка с той же целью, как некогда другие удушали его, чтобы сохранить любовь. Вы с легкостью бросаете счастье этого маленького невинного рекрута в сомнительную битву за са-

мое непрочное в мире, — за вашу любовь, любовь мужчины и женщины… И, однако, все это идет прахом, разбивается, распадается так же, как и у тех, кто ни в чем не клялся.

Отец *(полусонный).* Ведь я же вам говорю, что жизнь великолепна… . *(Поворачивается в кресле; рука, держащая сигару, падает; блаженно шепчет.)* На бедре… *Орфей и г-н Анри молча смотрят на него.*

Г- н Анри *(приближается к Орфею, отрывистым, низким голосом).* Жизнь не сохранила бы твою Эвридику, бедный мой человечек. Но Эвридика может вернуться к тебе навсегда. Эвридика вашей первой встречи, вечно чистая и юная, неизменная…

Орфей *(смотрит на него; после небольшой паузы, качая головой).* Нет.

Г- н Анри *(улыбаясь).* Почему нет, бедняга?

Орфей. Нет, я не хочу умирать. Я ненавижу смерть.

Г- н Анри *(тихо).* Ты несправедлив. Почему ты ненавидишь смерть? Смерть прекрасна. Только в ней одной и может жить любовь. Ты слышал сейчас, как твой отец рассуждал о жизни. Не правда ли, как это смешно и жалко! Но так оно и есть… Шутовство, нелепая мелодрама — это и

есть жизнь. Тяжеловесность, театральные эффекты — это тоже она. Попробуй пройди по жизни со своей маленькой Эвридикой, и при выходе ты обнаружишь, что платье ее все захватано чужими руками, обнаружишь с удивлением, что и сам ты измельчал. Если только ты вообще обнаружишь ее, обнаружишь себя. Я предлагаю тебе нетленную Эвридику. Эвридику в ее истинном обличии, чего жизнь никогда тебе не подарит. Хочешь ли ты такую?

Отец начинает чудовищно громко храпеть.

Твой отец захрапел, Орфей. Взгляни на него. Он уродлив. Он вызывает жалость. Он жил. Как знать? Быть может, он не так глуп, как только что в этом сам признавался. Быть может, была минута, когда он прикоснулся к любви или красоте. Взгляни на него, как он цепляется за свое существование, этот жалкий храпящий скелет, рухнувший в кресло. Посмотри на него хорошенько. Глядя на лица, хранящие следы прожитых лет, думают, что на них написан страх смерти. Какое заблуждение! Напротив, страшно то, что сквозь все это — бороды, пенсне и солидный вид — проступают вялые, расплывчатые черты пятнадцатилетнего подростка, окарикатуренные, но

все те же, неизменные. Жизнь — вот что страшно. Юнцы с морщинистыми лицами, хихикающие, бессильные и безвольные, но с каждым годом все более самоуверенные и самовлюбленные. Таковы люди… Посмотри внимательно на своего юного отца, Орфей, и подумай о том, что Эвридика ждет тебя.

Орфей *(внезапно, после паузы).* Где?

Г- н Анри *(улыбаясь подходит к нему).* Ты всегда все хочешь знать, бедный мой человечек… Я тебя очень люблю. Мне было больно смотреть на твои страдания. Но теперь всему этому конец. Ты увидишь, каким все станет чистым, сияющим, ясным… Вот твой мир, маленький Орфей…

Орфей. Что надо делать?

Г- н Анри. Возьми плащ, ночь прохладная. Выйди из города и иди все прямо по дороге. Когда дома станут реже, ты поднимешься на холм у небольшой оливковой рощи. Это там.

Орфей. Что там?

Г- н Анри. Там у тебя произойдет свидание с твоей смертью. В девять часов. Уже пора, не заставляй ее ждать.

Орфей. Я снова увижу Эвридику?

Г- н Анри. Тотчас же.

Орфей *(берет свой плащ).* Хорошо, прощай.

(Уходит.)

Г- н Анри. До свидания, бедный мой человечек.

Храп отца усиливается, он напоминает непрерывную барабанную дробь, которая не утихнет до конца сцены. Освещение незаметно меняется.

(*Неподвижно стоит все на том же месте, засунув руки в карманы; внезапно тихо.)* Войди.

Дверь медленно открывается, входит Эвридика, она остается в глубине комнаты.

Эвридика. Он согласился?

Г- н Анри. Да, согласился.

Эвридика *(умоляюще сложив руки).* Мой любимый, пожалуйста, приходи быстрее.

Г- н Анри. Он идет.

Эвридика. Ему хоть не будет больно?

Г- н Анри *(тихо).* А тебе разве было больно?

Коридорный *(стучится и входит)* . Разрешите, мсье, я приготовлю постель. *(Задергивает занавеси и начинает стелить постель. Он много раз проходит перед Эвридикой, не видя ее. С улыбкой поглядывает на отца.)* Мсье храпит, говорят, это признак хорошего здоровья. Моя мать уверяла, что храпят только жуиры. Я слышал, что мсье разговаривал и боялся, что потревожу его.

Г- н Анри. Я говорил сам с собой.

Коридорный. Со мной это тоже случается. Иногда говоришь себе такие вещи, которые другие тебе ни за что не скажут. А как чувствует себя молодой человек, мсье?

Г- н Анри. Хорошо.

Коридорный. Но должно быть, для него это был ужасный удар.

Г- н Анри. Да.

Коридорный. Как по-вашему, он когда-нибудь утешится?

Г- н Анри. Да. Который теперь час?

Коридорный. Без двух минут девять, мсье. *(В молчании стелит постель.) Слышен только все усиливающийся храп отца.*

Г- н Анри *(внезапно окликает)* . Коридорный!

Коридорный. Да, мсье?

Г- н Анри. Велите подать мне счет, сегодня вечером я уезжаю.

Коридорный. Вчера мсье сказал…

Г- н Анри. Я передумал, на сей раз я уезжаю.

Коридорный. Хорошо, мсье. С Марселем теперь покончено, да, мсье?

Г- н Анри. Да.

Коридорный собирается уйти .

Сколько сейчас времени?

Коридорный. Ровно девять, мсье. *(Выходит, оставляя дверь широко открытой.)*

Г- н Анри *(Эвридике, которая стоит неподвижно).* Вот и он.

Эвридика *(тихо).* Он сможет на меня смотреть?

Г- н Анри. Да, теперь ему нечего бояться, что он потеряет тебя.

Входит Орфей, нерешительно останавливается на пороге, словно ослепленный светом.

Эвридика *(бежит к нему, обнимает его).* Любимый мой, как ты долго!

Вдали часы бьют девять.

Отец *(внезапно перестает храпеть и просыпается, у него урчит в животе; затягиваясь потухшей сигарой).* Гляди-ка, я спал? Где Орфей?

Г- н Анри не отвечает.

(*Оглядывается вокруг себя, обеспокоен.)* Он вышел? Да отвечайте же наконец, черт побери! Где Орфей?

Г- н Анри *(указывая ему на обнявшуюся чету, которую тот не видит)* . Орфей соединился на-

конец с Эвридикой!

Отец, ошеломленный, встает, сигара выпадает у него из рук.

Занавес